

След Фафнира

Андрей Мартьянов

Мировой кризис

«Лениздат»

2009

Мартьянов А.

Мировой кризис / А. Мартьянов — «Лениздат», 2009 — (След Фафнира)

Европа стоит перед величайшей катастрофой в своей истории – Первой мировой войной. Но кто и почему подталкивает континент и Российскую империю к кровавому столкновению? Силы мистические или злая воля человека? «Мировой кризис» – второй роман Андрея Мартьянова из цикла «След Фафнира» - расскажет читателю о дальнейших приключениях компании кладоискателей, оказавшихся в центре настораживающих и опасных событий, спровоцировавших Великую европейскую войну.

© Мартьянов А., 2009

© Лениздат, 2009

Содержание

Предварение	5
Глава первая	21
Глава вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Мартьянов

Мировой кризис

...Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: «Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира... скончался не от вражеской раны, не от коварств своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?»

Иордан, 455 год н. э.

Всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен.

2 Тим. 3, 16-17

Автор искренне благодарит за неоценимую помощь в работе над текстом и своевременные подсказки С. Казакова (СПб) и И. Кричевского (Рамат-Ган).

Предварение

Великобритания, Лондон,

3 марта 1914 года

Ровно в одиннадцать часов утра элегантно одетый джентльмен вышел из парадного подъезда дома номер 19 по Беркли-Мэншнс и прогулочным шагом направился вниз по улице. Время ланча он провел в «Адмиральском клубе» на Бонд-стрит, откуда совершил два телефонных звонка – молодого человека интересовали новые поступления в антикварные магазины ван Гааса и компании «Эпшоу и Малверн». Получив от последнего абонента положительный ответ, джентльмен спустился из курительной в холл, дал знак швейцару и тот немедленно свистнул кэб, быстро доставивший пассажира на Челси-сквер.

– Подождите меня, – сказал он вознице, одновременно вручая монету в пять шиллингов. – Я задержусь примерно на полчаса.

– Как вам будет угодно, сэр...

Темно-вишневая с золотом вывеска над магазином гласила: «*Торговля древностями, год основания 1754*», что ясно давало понять любому покупателю – это старинная и успешная фирма, подделками, как в сомнительных заведениях Ист-Энда, здесь не торгуют. Обычные клиенты – состоятельные европейские коллекционеры или нувориши из Нового Света, жела-

ющие украсить свой дом униками с развалин Гизы, Персеполиса или Тиринфа. Случайные люди сюда не заходили.

Звякнул колокольчик над входной дверью. В помещении пахло благовониями и сухим пергаментом, освещение приглушенное – жалюзи на окнах опущены, горят электрические лампы в тканых абажурах, стилизованных под индийские светильники.

Других посетителей не замечалось. Джентльмен оставил трость и шляпу на особой стойке у входа, уверенно прошел направо, вдоль шкафов с древними папирусами и статуэтками. Управляющий поднялся из-за стола навстречу.

– Добрый день, милорд, – поприветствовал ожидаемого гостя высокий и худощавый мистер Эпшоу. – Рад снова видеть вас.

Его внешность мало соответствовала распространенным представлениям о владельцах антикварных лавок, никаких седых волос или очков в круглой оправе. Наоборот, Эпшоу был подтянут, загорел, сравнительно молод – не старше сорока лет, – и больше напоминал не потомственного коммерсанта, а недавно приехавшего из африканских колоний отставного офицера. Одновременно с этим в среде лондонских ценителей старины его полагали одним из крупнейших специалистов.

– Огастус, замените меня, – Эпшоу повернулся к помощнику. – Лорд Вулси, пожалуйста, следуйте за мной.

Они прошли в глубину дома, поднялись по скрипучей деревянной лестнице в бельэтаж, где хранились наиболее ценные экспонаты и редчайшие книги – богатых покупателей всегда обслуживали отдельно, да и незачем выставлять на витрину древнеегипетское золото или сохранившиеся в единственном экземпляре средневековые рукописи.

Лорд Вулси отлично знал, что в скрытых за деревянными панелями сейфах заперты сокровища ценой в сотни тысяч, если не миллионы фунтов – собранию компании «Эпшоу и Малверн» мог позавидовать и Британский музей, «особые» раритеты уходили только постоянным и проверенным клиентам или по их письменным рекомендациям. Для толстосумов из-за океана предлагались товары, выставленные на всеобщее обозрение, – разумеется, они тоже стоили немалых денег, но абсолютно уникальными не являлись.

– Присаживайтесь, сэр Джералд, – управляющий указал на кресло возле обширного стола. – Могу я предложить вам шерри?

Обычный ритуал, насквозь знакомый лорду Вулси: нельзя сразу говорить о деле, это нарушение этикета. Несколько обязательных слов о погоде, политике, короле Георге и новостях из жизни высшего общества – помолвки, свадьбы, пикантные слухи; светский сезон в разгаре. И лишь затем начинается священнодействие.

Мистер Эпшоу надел белые перчатки, открыл крупновский сейф с хитрым номерным замком, достал большой сандаловый ларец и утвердил его на столе перед Джералдом. Откинул крышку, снял покров китайского шелка.

– Доставили на этой неделе из Константинополя. Старая библиотека султана, к сожалению, расхищается, а там хранятся древнейшие фолианты! Наши агенты скупают всё поступающее на черный рынок – я с ужасом думаю о том, что случится с рукописями, попади они к людям незнающим! Даже при идеальных условиях хранения пергаменты поражает грибок, они ссыхаются, ветшают... Что говорить о необразованных содержателях константинопольских лавчонок, которые обращаются с книгами самым варварским способом, не подозревая, какие сокровища оказались в их руках!

Лорд Вулси согласно кивнул – в этом вопросе он полностью поддерживал господина Эпшоу, ни на минуту не задумываясь о том, что управляющий магазина предлагает к продаже краденые фолианты. В дряхлеющей Османской империи о понятиях «культура» или «сохранение древнего наследия» имеют весьма расплывчатое представление, других забот выше головы – турки теряют провинции одну за другой, государство разваливается на глазах, экономика

трещит по швам. О какой культуре может идти речь в такой обстановке? В библиотеке помещая книгам обеспечить прекрасный уход, с них сделают фотокопии, появится гарантия, что великие произведения седой старины не погибнут!

– В основном Византия и Италия, пятый-седьмой века по Рождеству, – Эпшоу аккуратно вынимал из ларца переплетенные в кожу и дерево хроники. – Состояние некоторых рукописей далеко от идеала, но есть и прекрасно сохранившиеся – это не позднейшие списки, мы вызывали эксперта, Джейкоба Мэлтрэверса, профессора в Итоне. Он подтвердил аутентичность манускриптов.

– Великолепно, – отозвался Джералд. – Слово господина Мэлтрэверса имеет солидный вес, я доверяю его заключению.

– Всего шесть экземпляров, – продолжал мистер Эпшоу, раскрывая перед лордом фолию в растрескавшейся кедровой обложке с накладками темного серебра. – Древнейший датируется приблизительно четырехсотым годом, это сборник из нескольких произведений. Глава из «Истории римского народа» Марка Терренция Варрона, ранее считалась навсегда утерянной. Добавочно евангелие от Матфея, переписанное скрипторами диоцезии Гиппонской, предположительно – с собственноручными пометками святого Августина, это еще предстоит доказать. Последней в подшивке идет копия с Иосифа Флавия, «De bello Judaico».¹ Существенную историческую ценность представляет только Варрон.

– Несомненно, это открытие, – согласился лорд Вулси. – Далее?

– «О лучеиспускании звезд» Аль-Кинди, на арабском языке, – перечислял Эпшоу. – «История императора Иракла», сочинения епископа Сибеога, вторая половина седьмого века. «Житие святого Колумбана и его учеников» Ионы из Боббио, авторство установлено с полной достоверностью. Любопытная итальянская рукопись, неизвестные прежде стихотворения Венанция Фортуната на латыни. И наконец – истинная жемчужина, настоящий шедевр! Аноним, «Дополнения к истории царствования Юстиниана, авторства Агафия Миренейского». Изумительный образец!

Джералд с интересом подался вперед, но управляющий остановил чересчур увлекшегося покупателя. Вначале следует надеть перчатки тончайшей шерсти и лишь затем прикасаться к бесценному труду – от неожиданности лорд забыл про обязательные правила.

Сохранность потрясающая! Такое впечатление, что книгу не открывали со времен написания, пергамент по краям не растрепан, страницы не пересохли, краски лишь самую малость поблекли.

– Вероятно, данный экземпляр был создан специально для кого-то из наиболее высокопоставленных придворных или личного собрания книг византийского базилевса, – сообщил мистер Эпшоу. – Столь роскошный подарок мог позволить себе лишь весьма богатый и влиятельный человек. Судя по исполнению, сочинение на греческом переписывали с оригинала монахи, кроме того перед нами второй том, ему предшествовала оригинальная «История Юстиниана» от Агафия – взгляните на титульную надпись.

Спорить с профессионалом лорд Вулси не собирался, да и сам бегло читал по-гречески. Перелистал страницы, нашел обычное для подобных рукописей пространное нравоучительное заключение, из последних строчек которого можно было понять, что следующий том продолжит жизнеописание и хронику кесаря Юстиниана Великого. Следовательно, господин Эпшоу безусловно прав: книги были заказаны в одном из монастырей Константинополя для дворцовой библиотеки, на создание этого произведения искусства ушло много месяцев труда копистов, рисовальщиков и рубрикаторов.

– Почему именно аноним? – вслух произнес лорд Вулси. – Выходит, авторство текста утеряно? Исходная рукопись датируется более ранними временами?

¹ «Иудейская война» (лат).

– Я просматривал сочинение, эта летопись скорее предваряет историю царствования Флавия Петра Савватия Юстиниана Первого, – Эпшоу назвал древнего базилевса полным именем. – Экскурс в историю великих предков, так сказать, хотя происхождение династии самое сиволапое: они из иллирийских крестьян, двоюродный дед Юстиниана после смерти императора Анастасия Флавия получил власть по чистой случайности – благодаря протекции влиятельнейшего евнуха Амантия. По закону скопцы не имели права на венец, но фактически Амантий был кем-то наподобие премьер-министра, ему требовался послушный человек на троне... Первый Юстин и читать-то не умел.

– Я знаю, – ответил Джералд. – История всегда была одним из самых любимых моих предметов. Не будем отвлекаться, вернемся к книге.

– Слушаю, сэр. Итак, перед вами достаточно подробное описание событий в Восточной Римской империи, начиная от первого константинопольского кесаря Аркадия, и заканчивая начальными годами правления Юстиниана. Обзор за полтора столетия. Скорее всего – компиляция из нескольких хронистов, стилистика время от времени разительно меняется. Поэтому, чтобы не указывать различных авторов, часть из которых могли оказаться в немилости, монахи-скрипторы приписали сочинение анониму. Так делалось неоднократно. После беглого изучения текста я сделал вывод, что он не имеет большой исторической важности...

– То есть как? – изумился Джералд.

– Вы не поняли, милорд. О предках Юстиниана, войнах с Атилиой или лангобардами можно куда более подробно прочесть у многих других писателей того времени: Прокопия Кесарийского, Павла Диакона, Симокатты и прочих. Имя им легион, летописи и хроники многократно издавались начиная с восемнадцатого века. Но художественная ценность книги неоспорима. Десятки иллюстраций и портретов, карты Византии, тончайшие миниатюры! Да вот, взгляните...

Картина на полный разворот, если верить витиеватой подписи, изображала восшествие на престол императора Зинона Исаврийца в 474 году. Неоспоримо, рисунок относился к классике ранневизантийского искусства, он напоминал драгоценный оклад, реликварий, перенесенный щедрой рукой рисовальщика на пергамент, – золотая краска, киноварь, все оттенки гиацинтового и пурпурного, фигуры изображены с невероятной тщательностью и мельчайшими деталями, пряжки на лориках окружавших кесаря придворных были размером чуть больше макового зернышка, но остроглазый человек мог заметить на них чеканку...

– Потрясающе, просто невероятно, – ахал Джералд, открывая новые изображения. – А это что такое? Какой-то обряд?

– Странно, комментарий не на греческом или латыни, а на готском, – пожал плечами мистер Эпшоу. – Смерть Атилы, гунны хоронят своего вождя в Скифии... Еще одно доказательство того, что мы видим компиляцию: перерисовано из другой летописи, скорее всего итальянской, созданной образованным варваром. Это не византийская стилистика, узор близок к кельтскому или древнегерманскому, хорошо заметно упрощение.

– Минуточку... Позвольте взглянуть подробнее, – Джералд замер, осторожно подвинул книгу к себе и сдавленным голосом попросил: – У вас найдется лупа?

– Разумеется, – Эпшоу выдвинул ящик стола и передал лорду увеличительное стекло в медной оправе и с костяной ручкой. – Нашли что-нибудь интересное?

– Пока не знаю, – прошептал лорд Вулси, внимательнейшим образом рассматривая фигуру свирепого повелителя гуннов.

Обозначенный скупыми штрихами курган, силуэты находящихся вокруг погребальной колесницы людей нарочно схематичны, внимание зрителя должно быть сосредоточено на умершем Атиле, главном герое рисунка – он был значительно крупнее остальных, облачен в пластинчатый доспех, на груди лежал клинок, в ногах щит. Вроде бы ничего особенного, рядом с

другими, куда более красивыми и пышными иллюстрациями эпизод с Аттилой выглядел бледненько.

– Я беру всё, – Джералд отложил лупу. Невольно покосился на удивительный рисунок, что не ускользнуло от внимания мистера Эпшоу. Управляющий отлично разбирался в психологии покупателей, опыт был огромный. Совладелец одного из лучших лондонских магазинов антиквариата незамедлительно понял, что лорд Вулси очень возбужден, пускай и старается скрыть неожиданно вспыхнувший горячий интерес. – Ваша цена?

На счастье Джералда собеседник был не только тонким знатоком человеческих реакций, но и честным коммерсантом – престиж фирмы превыше всего, сиюминутная выгода не оправдывает возможной потери постоянного и щедрого клиента. Посему Эпшоу подавил мимолетное искушение и ответил честно:

– Аукционная цена всех книг составляет приблизительно сорок семь—пятьдесят тысяч фунтов. На этой сумме и остановимся. Ваша обычная скидка – двенадцать процентов, милорд. Итого сорок четыре тысячи.

– Чек на пятьдесят, – проявил благородство Джералд, обмакнув перо в чернильницу. Вывел подпись, промакнул чернила малахитовым пресс-папье с начищенной бронзовой рукоятью. – Дополнительные шесть тысяч – ваше личное вознаграждение.

– Благодарю, – скупно кивнул мистер Эпшоу и упрятал сложенный вдвое чек во внутренний карман сюртука.

Все получилось именно так, как и предполагалось изначально: лорд Вулси всегда оставлял управляющему, добывавшему лично для него исключительные раритеты, щедрые чаевые. Неслыханно щедрые: шесть тысяч фунтов стерлингов – колоссальные деньги, маленькое состояние, годовой доход крупного дворянского поместья! Впрочем, семья Джералда правомерно считалась одной из самых богатых в Британии и колониях, лорд ни в чем не нуждался и мог позволить себе платить за услуги столько, сколько считал нужным.

– Я отправлю книги с посыльным, – сказал мистер Эпшоу. – Адрес обычный, Беркли-Мэншнс, девятнадцать?

– Византийскую хронику я возьму с собой, – отказался Джералд. – Остальное следует доставить в мое поместье. Графство Йоркшир, Слоу-Деверил холл, на имя библиотекаря – мистера Обри Твислтауна.

– Как будет угодно, сэр.

– Я очень вам признателен, господин Эпшоу. Это действительно весьма ценные трактаты.

– Жаль, что таковых становится все меньше и меньше, – вздохнул управляющий. – За последние годы рынок антикварных книг стал значительно беднее, у солидных фирм появился конкурент, о котором мало что известно – какая-то европейская компания, вроде бы из Франции. Очень закрытая. Они скупают всё, тратят безумные средства, но коллекционерам рукописи не перепродают – подозреваю, что мы имеем дело с чересчур увлекающимся богачом, обладающим широкими возможностями...

– Уверены? – Джералд бросил острый взгляд на мистера Эпшоу. – Нет, милейший, думаю это вовсе не полоумный миллионер-библиофил.

– Тогда кто же?

– Могу посоветовать вам одно: опасайтесь этих людей. И доверяйте только проверенным агентам, работающим с «Эпшоу и Малверн» долгие годы.

– Вы предостерегаете? – поднял бровь Эпшоу.

– Лишь рекомендую. Однажды я столкнулся с крайне опасными любителями старины, одержимыми странной идеей. И точно знаю, что их интерес к редким рукописям поздней античности и зарождающегося средневековья грозит конкурентам немалыми трудностями. Если вдруг вы столкнетесь с чем-то непонятным и пугающим – лучше отступитесь.

– Очень хорошо, сэр, – нейтрально ответил антиквар.

До мистера Эпшоу доходили невнятные слухи, будто лорд Вулси не так прост, как кажется: образ невероятного богатого молодого бездельника был маской, под которой мог скрываться человек, связанный с... с... Тут начиналась область догадок. Что угодно, от правительственной секретной службы или разведки Адмиралтейства до могущественной масонской ложи.

Византийская книга была упакована в тонкий лен, трижды перевязана джутовой веревочкой и помещена в металлический ящик с замочком – вновь пришли в действие неписанные правила фирмы: даже если лорда Вулси по дороге ограбят (что в центре Лондона посреди ясного дня немыслимо!), разбойнику придется потратить немало времени для того, чтобы вскрыть маленький переносной сейф. К этому времени наверняка подоспеет полиция.

Джералд прицепил два крошечных ключика к цепочке от часов, взял ящик за деревянную ручку, прошел к выходу, водрузил на голову шляпу, купленную за два фунта в Кенсингтонском пассаже, сунул трость под мышку и учтиво попрощавшись с мистером Эпшоу вышел на тротуар.

Кэб стоял на месте.

– Домой, – рассеянно сказал Джералд, но вмиг опомнился: это же не собственный кучер или шофер авто, а обыкновенный уличный кэбмен. – Вернее, Беркли-Мэншнс. Я укажу, куда подъехать.

– Воля ваша, сударь, – невозмутимо согласился владелец кэба и легонько подхлестнул грустную каурюю лошадку. – Поедем по набережной, там спокойнее – на центральных улицах тьма-тьмущая автомобилей, житья от них в Лондоне не стало...

Кэбмен был доволен: при большой удаче пять шиллингов он зарабатывал за день напряженной работы, а благородный господин изволил задержать всего на час.

Германская империя, Страсбург и окрестности,

12 марта 1914 года

– Нет, ну это просто невозможно! Мистика какая-то! На том же самом месте, а?! Rasproyadrionaya mat'!

Евангелина Чорваш что есть силы пнула левое переднее колесо темно-зеленого спортивного «Остина». Вспомнила еще несколько крепких русских словечек, обрушив их на застывшую у обочины машину.

Ева умела изысканно ругаться на немецком, венгерском и французском, но предпочитала наречие подданных царя Николая – звучно, а главное, непонятно для европейцев: это очень помогало на любых светских раутах, от Вены до Парижа. В случае резкого недовольства мадемуазель Чорваш обычно высказывала свое отношение к надоевшему ухажеру или взявшейся поучать чересчур эманципированную венгерку матроне с надлежащей яркостью и эмоциональностью, одновременно не давая повод для смертельной обиды. Русские площадные словеса были кратки, красивы, легки к воспроизведению и способны на одном-единственном выдохе проявить полный спектр чувств.

– ...Blyad, – завершила не особо длительный монолог Ева, одновременно вспомнив, что данное выражение означает вовсе не непристойную падшую женщину, промышляющую своим телом в грязных припортовых кварталах, а распутницу из удовольствия, наподобие мадам Помпадур. Граф Барков, которого после мимолетного романа в Вене, Евангелина навсегда оставила в кругу близких друзей, подробно объяснял семантику всех выражений, которыми интересовалась любознательная наследница господина Фердинанда Чорваша. – Как там у Пейна? «Для наших душ настали дни суровых испытаний»? Чума на мою голову!

Почти два года назад, с разницей всего в десять дней, авто Евангелины застряло на этом самом месте. Подходя буквоедски, *почти* на этом – тогда «Винтон» с хваленым германским двигателем от Майбаха перестал подавать признаки жизни всего в двухстах метрах отсюда, во-он там, возле железнодорожной насыпи, где магистраль делает плавный поворот к юго-востоку, на Страсбург.

Это было насыпное гравийное шоссе между пограничным немецким городком Саарбург и деревней Брюмат. Дорога расположена между холмов, в долинах – выпасы и разграниченные тонкими плетнями участки крестьян-арендаторов, Французская Республика осталась за спиной, впереди огромная Германская империя. Всей разницы между предыдущим приключением и нынешним – Ева катила в противоположную сторону, не на запад, а на восток, собираясь через Баварию как можно быстрее добраться до границ родной Австро-Венгрии. Если не задерживаться, выходит двое с половиной суток в пути с учетом семичасовых ночевков.

И вот – пожалуйста! Выигравший ралли Аахен-Париж-Орлеан-Тулуза «Остин» превратился в никчемную груду железа!

Ева имела полное право гордиться собой: она не только победила в гонке, но и оказалась первой в обоих классах, снова показав, что прогрессивные женщины ничуть не уступают мужчинам! Квалификация ралли проходила по двум разрядам, мужскому и женскому, представительниц прекрасного пола было заявлено всего четыре – разумеется, сама Евангелина Чорваш, знаменитая автогонщица Камилла дю Га, дебютировавшая англичанка Флоренс Скоуп и представительница суфражисток САСШ, носившая чудовищное имя Сисситрисса Мармадьук-Коэн.

Две последние сошли с дистанции, не доехав до Парижа и не вызвав у соперниц никакого сожаления или спортивной солидарности, – мистрисс Скоуп была всего лишь оригинальным рекламным агентом собственного мужа, решившего создать известность фирме по производству консервированной говядины. А что может быть интереснее для публики и прессы, чем обремененная семейством дама, решившая сесть за руль?

Кошмарная Сисситрисса из Бостона, штат Массачусетс, оказалась коротко стриженной старой девой тридцати лет, недовольной всем и вся – Евангелина, лично знакомая с венским доктором Зигмундом Фрейдом, первейшим европейским светилом в области психологии интимных отношений, была твердо уверена, что эта... это... ну, словом, представленное газетчикам мужеподобное существо имеет право называться «настоящей женщиной» (а именно так мисс Мармадьук-Коэн себя и позиционировала) ровно столько же, сколько макака, объявившая себя человеком.

Надо заметить, что крепко подружившиеся за время ралли мадемуазель Чорваш и мадам дю Га вне состязания отнюдь не пренебрегали косметикой, модными платьями от лучших парижских и венских мастеров и оказывали благосклонность мужчинам. Госпожа Камилла была замужем, это накладывало большие ограничения, а свободная от матримониальных уз Ева вполне могла позволить себе как легкий флирт, так и кратковременную связь интимного характера – упомянутый доктор Фрейд доказал благотворное влияние на женщину физической близости с представителем противоположного пола. Ева подтверждала теорию практически, выбирая нравящихся ей мужчин и не забывая об осторожности – беременность и последующее непременно замужество никак не входили в ее планы.

Эпоха эманципе, надо понимать, господа и дамы!

Никаких скандальных сообщений в газетах, никаких сплетен – встреча без последующих обязательств, длительных романов, поэтических писем и вздохов под луной. Это ненужно и обременительно.

Камилла дю Га, с которой Евангелина поделилась своими соображениями как с близкой приятельницей, полностью поддержала молодую соперницу в автомобильном спорте: насла-

ждайтесь жизнью, дорогая. Но не забывайте, что рано или поздно вы встретите человека, с которым разделите радости и потери будущего...

– Пока я не думаю о браке, – серьезно ответила Евангелина. – Время пока есть.

– Но время всегда очень коротко, – покачала головой Камилла. – Не упустите его, это будет страшной ошибкой...

На втором этапе гонки до Орлеана обе конкурентки шли буквально ноздря в ноздю, но первой финишировала мадам дю Га. Решительная и упрямая Ева показала себя на отрезке Орлеан-Тур, а перед финишем в Тулузе не только обогнала Камиллу на два с четвертью часа, но и обошла ВСЕХ мужчин-автогонщиков! Понимаете, всех до единого! Победитель в «мужском» классе появился на тулузской площади Сен-Сернен, где собрались десятки репортеров и муниципалитет города в полном составе, целых четырнадцать минут спустя! Ева заслуженно получила золотую медаль, кубок и новый всплеск внимания со стороны ведущих газет Европы, прочно позабывших о загадочной истории двухлетней давности, в которую была напрямую вовлечена мадемуазель Чорваш...

Вернуться домой можно было запросто: погрузить «Остин» на железнодорожную платформу и отправить через южную Францию и Германию в Вену, а оттуда в Будапешт. Сама Евангелина имела возможность сесть на пароход в Марселе или Тулоне, откуда ежедневно отправляются комфортабельные корабли в Триест, но Ева выбрала более сложный путь: сушей, на своем авто, через самые крупные города – дополнительная реклама, которая ничуть не мешает. Благодаря неслыханным успехам исключительно популярной дочери акции предприятий господина Фердинанда Чорваша росли как на дрожжах. Имя «Чорваш» в глазах читателей газет стало наглядным символом успеха.

Рано утром Ева преодолела франко-германскую границу. Со стороны Республики ее провожали с цветами и маленьким оркестром, усатый начальник пограничной стражи, смущаясь и краснея, попросил автограф на открытку с фотографией знаменитости. Ева нацарапала карандашиком стандартное: *«С любовью к прекрасной Франции и уважением к вам, мсье»*. Француз задохнулся от внезапно свалившегося счастья.

«Остин» переехал старинный каменный мост через Саар, гостеприимно поднялся черно-белый шлагбаум. Подошел офицер в сизой форме, откозырял, скупой улыбнулся, попросил паспорт. Отнес документ в караулку, вернул – уже с печатью, свидетельствовавшей о благополучном пересечении рубежей Республики и Кайзеррейха. Досматривать автомобиль не приказал – обязательная немецкая вежливость, да и какую контрабанду может провезти очаровательная фройляйн Чорваш? Смешно!

Контрабанда была, в саквояже Евы. Так, мелочь – фальшивый, но абсолютно неотличимый от настоящего, паспорт на имя Анны Медковец, подданной царя Болгарии. На всякий случай. Больше ничего запрещенного.

– Добро пожаловать в Германию, фройляйн, – пограничник взял под козырек и улыбнулся искренне. Ему было приятно видеть очаровательную девушку, портреты которой публиковались едва ли не каждый день в «Страсбургер нойе цайтунг». – Если угодно, я позову одного из солдат, вам укажут выезд из города на шоссе до Страсбурга.

– Нет-нет, это лишнее, – лучезарно улыбнулась Ева, говоря на немецком с классическим австрийским акцентом. Это был шик, всегда отличавший подданных старика Франца-Иосифа от заносчивых северян-пруссаков. – Я знаю дорогу. Вы очень милы, господин офицер. Возьмите на память...

В перевязанных шнурками пачках около водительского сиденья лежали наборы фотографий, на которых Ева позировала у своего «Остина». Правая, совсем тонкая пачка, с французскими реверансами в адрес поклонников. Левая, прямо под рукой – на немецком. Все продумано. Факсимиле: *«Моему германскому другу. Евангелина»*. Даже подписывать не нужно, отпечатано в папиной типографии.

Гауптман-пограничник получил карточку и остался позади, довольный и лучезарный. Четыре поворота, пройти центр крошечного городка, вырулить на дорогу. В Страсбурге Еву ждал забронированный номер в лучшем отеле, передвижная ремонтная мастерская – специалисты обследуют авто, поменяют масло, сменят шины и проверят двигатель, – и тогда можно будет благополучно ехать дальше.

Ничего не вышло. «Остин» заглох в «проклятом» месте. Да, действительно мистика.

Мистика не мистика – на это Евангелине было плевать. Она отучилась пугаться странно-стей. Но черт побери, не идти же за помощью в ближайшую деревню, далеко! Шоссе оживленное, кто-нибудь непременно окажет содействие попавшей в непредвиденную ситуацию даме!

* * *

– У вас затруднения, мадемуазель? – высокий, совсем молодой военный спрыгнул с остановившейся рядом пролетки. Говорил он по-французски, заметив на левом переднем крыле авто маленький флажок Республики – этого требовали правила недавнего ралли. – Позвольте представиться: Герман Геринг, лейтенант сто двенадцатого полка инфантерии.

Ева назвалась, но господин Геринг никак не отреагировал на ее имя – газет он что ли не читает? Да, герр лейтенант, ужасная неприятность – автомобиль сломался, а к полудню я хотела бы оказаться в Страсбурге, там меня ждет передвижная мастерская.

– Сделаем так, – офицер принял решение мгновенно. – Возьмите с собой ценные вещи, я отвезу вас на железнодорожную станцию, она совсем неподалеку. Оттуда можно дать телеграмму, механики приедут и починят авто, в крайнем случае отбуксируют в Страсбург.

Вполне разумное предложение – машина никуда не пропадет, а тяжелый багаж отправлен из Тулузы поездом и должен был прибыть в отель минувшей ночью. Евангелина забрала саквояж с деньгами, документами и предметами, какие берет с собой каждая девушка – пудреницей, флакончиком с духами и прочей мелочью подобного рода. Из общего ряда выбивались лишь пистолет Браунинга и тяжелый «маузер» – Ева всегда брала с собой оружие, отлично зная, что на дороге можно встретить не только предупредительных лейтенантов или мирных поселян...

Господин Геринг, служивший в гарнизоне приграничного Мюльхаузена, направлялся в штаб округа, и Евангелине не пришлось дожидаться на станции поезда, который должен был прийти лишь через два с половиной часа. Быстро пришла ответная телеграмма с уведомлением о том, что механики выехали за поврежденным «Остином», и герр офицер выказал желание доставить гостью из Австро-Венгрии в город – если повернуть с шоссе на проселок, можно добраться за час с небольшим.

По дороге разговорились. Оказалось, что лейтенант и впрямь не следил за светской хроникой и спортивными разделами в прессе, все время отнимала служба. Зато Геринг, как и Евангелина, увлекался техникой, особенно авиацией. Услышав, что нежданная попутчица умеет управлять аэропланом и даже совершила рекордный перелет Вена-Будапешт-Белград, он отнесся к этому сообщению скептически, однако венгерка добыла из саквояжа газету с фотографической карточкой, на которой изображалась сама Евангелина в кабине летательного аппарата системы Вилбура Райта, – и сомнения были развеяны.

– Попомните мои слова, фройляйн Чорваш, за аэропланами будущее, – говорил лейтенант, увлекшись темой. – Я подавал рапорт о переводе в летную школу во Фрайбурге, в отряд полевой авиации пятой армии, но пришел отказ. Однако я настою на своем. Особенно в свете приближающейся войны...

– Разве будет война? – удивилась Ева.

– Будет. С Англией – точно. Может быть не в этом году, а в следующем... Вы не интересуетесь политикой, фройляйн?

– Весьма поверхностно. Политикой пускай занимаются напыщенные старики во фраках и с орденскими лентами.

Лейтенант проводил Евангелину до лучшей страсбургской гостиницы «Генрих IV», находившейся на главной площади города напротив собора и здания магистрата, и оставил свой адрес в Мюльхаузене – Ева пообещала прислать из Будапешта технические материалы по современным летательным аппаратам: особенно пехотинца интересовал аэроплан «Таубе» системы Этриха. Засим Герман Геринг откланялся и отбыл по своим делам.

– Добро пожаловать, мадемуазель, – поприветствовал Евангелину управляющий отелем. – Очень раз вновь видеть. Надеюсь, неприятности двухлетней давности не разочаровали вас в нашем прекрасном городе?..

– Да-да, – рассеянно ответила Ева. – Все замечательно...

Со стороны управляющего было не слишком корректно напоминать о давних событиях, но для провинциального Страсбурга таинственное исчезновение знаменитой автогонщицы стало первейшим предметом сплетен и обсуждений. Инкогнито вернувшись в Европу после авантюры с проклятым кладом Зигфрида, Еве пришлось обращаться за помощью к парижскому знакомцу – некоему мсье Люку Анно, некоронованному королю преступного мира столицы Франции. Он и устроил фиктивное «похищение» и громкий спектакль с «освобождением».

Разумеется, все участники этого действа, начиная от самой Евангелины и ее отца, господина Фердинанда Чорваша, и заканчивая неудачниками-кладоискателями под предводительством лорда Вулси, приняли в разработанном мсье Анно представлении самое живое участие – надо было обвести вокруг пальца как охочую до сенсаций прессу, так и полицию, ведущую активные поиски сгинувшей незнамо куда любимицы публики. Следует упомянуть, что «исчезла» Ева громко: стрельба, несколько неопознанных трупов, сгоревшее авто – полиция Германии и Франции считала делом чести отыскать Еву живой или мертвой!

Люк Анно, взяв стандартное вознаграждение за труды, устроил дело безупречно – он всегда работал с фантазией. Конечно же Люку пришлось на несколько дней выехать из Парижа в Страсбург: если «невероятное преступление» (так обычно выражались газетчики) произошло на территории Германской империи, значит, и «найти» мадемуазель Чорваш должны именно там.

Драматургия была поставлена на высочайший уровень – мсье Анно изредка позволял себе аферы с примесью театральщины, так красивее. В полицейское управление пришел пакет с фотографией похищенной (к ее виску был приставлен револьвер) и требованием уплатить за жизнь Евы двести тысяч марок: сумма колоссальная! Следователи были немало озадачены – отчего бандиты прислали депешу через три недели после нападения, но размышлять не было времени. Действие и еще раз действие!

Мсье Анно никогда не недооценивал полицию – серьезные уголовные дела обычно ведут очень умные и наблюдательные люди, настоящие профессионалы, способные замечать любые мелочи. На этом и следовало сыграть: штемпель на конверте, бумага, купленная в определенном магазине, расположение почтового отделения, откуда был отправлен пакет, частичное изображение пейзажа за окном дома на приложенном фото и так далее. Если сопоставить детали, то умелый опытный следователь составит четкую картину.

Выкуп платить не пришлось – во время молниеносной полицейской операции Евангелина Чорваш была освобождена из заточения. «Похитители» содержали заложницу в стоящем на отшибе заброшенном строении в предместье Страсбурга. Обошлось без револьверной пальбы и жертв: вероятно, преступники почуяли опасность и вовремя скрылись. Еву извлекли из темного вонючего подвала и с триумфом доставили в объятия к любящему отцу, спешно приехавшему поездом из Вены.

Затем мадемуазель Чорваш изложила полиции и репортерам назубок затверженную непротиворечивую версию событий – Люк Анно нарочно подобрал описания реально существующих людей, занимавшихся противозаконным промыслом, которых можно было опознать по методу Бертильона. Одна беда: все эти темные личности или недавно сбежали в Новый Свет, или умерли, причем полиция о их смерти ничего не знала, да и не могла знать. Следователю жадно заглотив наживку и вскоре было объявлено, что громкое дело, почти целый месяц занимавшее ведущие европейские газеты, раскрыто, личности преступников установлены, злодеи объявлены в розыск. За поимку бандитов установлено немалое вознаграждение.

С тем Евангелина, раздававшая в Страсбурге одно интервью за другим, собралась домой, в Будапешт. На вокзале ее провожали представители магистрата и полицейские (следователя повысили в должности, участвовавшие в «освобождении» нижние чины получили по медали), бургомистр еще раз принес пострадавшей извинения и сообщил, что искоренение преступности станет первой задачей властей Эльзаса.

...Если бы они только знали, что Евангелина вовсе не скучала в подполе, а успела за минувшее время совершить рискованнейший вояж через океан под именем Анны Медковец и поучаствовать в смертельно опасной игре, в которую были вовлечены как силы мистические, так и весьма могущественные тайные организации! Однако эти подробности навсегда остались общей тайной концессии и приветливого толстячка Люка Анно.

– Для вас подготовлен королевский люкс, – ненавязчиво журчал управляющий «Генриха IV». – Багаж распакован. Портье вас проводит... Да, прошу прощения, совсем забыл! Третьего дня на ваше имя пришла телеграмма до востребования! Анри, подайте пожалуйста!

«Лондон? Странно, – подумала Ева, вскрывая конвертик. – Кто бы это мог быть?»

Текст телеграммы гласил:

**«НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙТЕ ТЧК ОТЛОЖИТЕ ВСЕ ДЕЛА ТЧК
ЭТО СВЯЗАНО С НАШЕЙ НАХОДКОЙ НА РЕЙНЕ ТЧК ДЖЕРАЛД СЛОУ
ЗПТ ЛОРД ВУЛСИ ТЧК»**

– О господи, – Ева аж задохнулась, положив ладонь на грудь.

– Что-нибудь случилось? – обеспокоился управляющий.

– Пока еще нет... Мсье, вы можете безотлагательно заказать для меня билеты первого класса до Лондона?

– Экспресс Страсбург-Кале через Лилль отправляется в девять с четвертью пополудни. Я телеграфирую в пароходную компанию, чтобы вам забронировали каюту. Значит, вы не останавливаетесь у нас?

– Только до вечера. Закажите мне номер в лондонском «Амбассадоре», отправьте багаж. Когда в город доставят автомобиль, распорядитесь, чтобы его железной дорогой перевезли в Вену.

– Как будет угодно, мадемуазель.

Французская Республика, Париж,

15 марта 1914 года

Корабль прибывал в Шербур в безбожную рань – пять утра. Стюарды разбудили сходящих на берег пассажиров за полтора часа и пригласили к завтраку. Стоянка на рейде продолжалась всего сорок минут, за это время команда с помощью судового крана перегрузила багаж и почту на вспомогательные катера, пересекавшие Атлантику путешественники спустились по трапу на борт «Номадика», казавшегося рядом с гигантским лайнером утлой лодчонкой.

Над туманным побережьем полуострова Котантен разнесся протяжный звук ревуна, застучала машина и катер пополз к пристаням.

«Титаник» дал задний ход, развернулся и взял курс на север, к Ливерпулю – конечной точке очередного трансатлантического рейса.

– Я, док, всегда катаюсь в Европу только на «Титанике», – пронзительно-рыжий молодой человек в клетчатом пальто и фетровой шляпе говорил по-английски с тягучим акцентом южных штатов. – Мне нравится это судно, столько воспоминаний связано... Вообразите, док, в 1913 году на первый рейс после ремонта билеты купили всего триста человек, остальные боялись. Но ничего, потом привыкли, все-таки корабль-легенда...

– Еще бы, – ответил собеседник рыжего, глядя вслед почти исчезнувшему в тумане черному корпусу лайнера. – После *того* столкновения все мы имели реальный шанс оказаться на океанском дне. Недобрая примета – первое же плавание, и такая серьезная авария! Почти катастрофа. Насколько я знаю, больше никаких инцидентов с «Титаником» не было?

– Так, ерунда. Прошлой осенью случился пожар в угольном бункере одной из котельных, тушили два дня – хорошо, дело было в порту Нью-Йорка. Больше никаких серьезных происшествий. Вы что же, док, думаете, будто корабль тоже получил свою долю проклятия Фафнира?

– Не знаю. Предпочитаю не гадать – материи подобного рода не подвластны человеческому разуму.

– Подвластны, не подвластны, – американец-южанин зло сплюнул за борт. – В любом случае золото исчезло навсегда, до него теперь никто не доберется...

– Тогда каковы причины столь спешного вызова в Лондон? Джералд ничего не объяснил в своей телеграмме, однако намек более чем прозрачный – он отыскал нечто, имеющее прямое отношение к кладу Нибелунгов!

– Незачем гадать, док. Скоро все узнаем.

Окончательной целью путешествия мистера Тимоти О’Донована и доктора медицины Курта Шпилера являлась, как можно было понять, столица Британии, но по пути им следовало непременно заглянуть в Париж. Экспрессы из Шербура отходили через каждый час после прибытия очередного трансокеанского лайнера – очень удобно, есть время не спеша выпить чаю в вокзальном буфете для пассажиров первого класса, затем устроиться в купе и подремать: встали затемно, а впереди длинный день.

Поезд шел до Парижа шесть с половиной часов, можно отлично выспаться. После десятиминутной остановки в Эврё господам подали ланч и принесли газеты – французские и английские. Трения на Балканах, строительство железной дороги в Индии, акцизы на тростниковый сахар и каучук... Скукотища.

Тимоти погрузился в изучение обширного спортивного раздела в «Таймс», доктор вынул из саквояжика нью-йоркский журнал «Терапевтический вестник».

Если мистер О’Донован был «природным» американцем (его предки-ирландцы эмигрировали в Новый Свет сто двадцать пять лет назад и поначалу обустроились в Луизиане, затем перебравшись в Техас), то господин Шпицер натурализовался в САСШ меньше двух лет тому, вскоре после истории с кладом. Возвращаться в Германию было бессмысленно и опасно – концессионеров разыскивала полиция, вдобавок они не только пренебрегли законом, но и наступили на ногу радикальной организации социал-демократов, а кроме того, смертельно поссорились с людьми, называвшими себя представителями некоего «Сионского приората».

Лорд Вулси и остальные решили, что бросать товарища в одиночестве в чужой стране – бесчестно, а потому Джералд одолжил доктору крупную сумму для покупки частной практики или места ординатора в хорошем госпитале, а Тимоти через имевшего влияние в конгрессе штата папашу, нефтепромышленника и миллионера Дугала О’Донована, поспособствовал быстрому получению гражданства САСШ и врачебной лицензии.

Таким образом герр Шпилер, подданный его величества кайзера Вильгельма II, превратился в мистера Спайлера, как его фамилия произносилась американцами – гражданина Североамериканских Соединенных Штатов и добропорядочного налогоплательщика. Курт приобрел одну практику на двоих с доктором Луисом Кридом (познакомились в Далласе) и навсегда обосновался в Техасе. Жаловаться не приходилось – за неполные два года трудолюбивый и внимательный доктор Спайлер заслужил в городе хорошую репутацию, купил небольшой дом и даже подумывал о женитьбе на дочери солидного аптекаря Эрвина Дитца, тоже эмигранта из Германии.

Долгосрочные планы пришлось отложить – восемь дней назад примчался взъерошенный Тимоти и положил на стол доктора срочную депешу из Лондона. Судя по контексту, лорд просил помощи. Шпилер немедленно нашел себе замену, извинился перед господином Кридом, сообщил ему, что уезжает «по семейным делам» в Европу и вернется минимум через месяц. Затем Тимоти и доктор добрались до Нью-Йорка и весьма удачно купили билеты на «Титаник», который отплывал в Ливерпуль через Шербур тем же вечером. Это показалось им символическим – как-никак «Титаник» был своеобразным крестником концессионеров.

...Шербурский экспресс промчался по мосту через Сену и начал снижать ход. За окнами мелькали кварталы северной части Парижа. До прибытия на вокзал дю Нор оставались считанные минуты.

– Чемоданы сразу отправят в Кале, – напомнил доктору Тимоти, выходя из купе. – Сейчас берем экипаж и едем за нашим увальнем. Если откажется – получит в рыло, это я обещаю.

– Тим, пожалуйста, следи за лексикой! Мы в Париже, а не в Далласе или Хьюстоне!

– Как скажете, док. Вроде французский язык я еще не забыл, в Оксфорде его вбивали намертво.

– В Гейдельберге тоже...

Рессорная коляска с мягкими кожаными сиденьями направилась по бульвару Сен-Мартен к площади Республики, возница свернул к Тамплю. Вот и знакомое бежевое здание в четыре этажа с обязательной мансардой. Богатая вывеска гласит: «Банковский дом Монброн ле Пари». У парадного входа в главную контору банка прохаживается высокорослый представительный швейцар с пышными седыми бакенбардами и двумя медалями на пестрых ленточках за франко-прусскую войну.

– Прошу вас, мсье, – швейцар поспешил открыть забранную дорожными зеркальными стеклами тяжелую дверь. Сразу видно, семейное предприятие Монбронов отнюдь не бедствует, наоборот, недавно в доме сделан ремонт, подновлен фасад, рамы заменены, в отдушинах установлены электрические вентиляторы. – Пройдите прямо, к господину управляющему.

На первом этаже – обычное присутственное место, таких банков сотни и тысячи во всех городах Европы, России или Америки. Непременные окошки с надписями «старший кассир» или «нотариус», величественная стойка красного дерева – тут обитают администратор и ответственные клерки, прохаживаются два охранника-жандарма в круглых кепи с лаковым козырьком. Однако по сравнению с унылыми провинциальными конторами где-нибудь в Неваде или Небраске здесь уютно: красивая и удобная мебель для отдыха посетителей, маленький буфет, где можно купить кофе, круассаны и минеральную воду, пол вымощен цветными мраморными плитками, на стенах картины с пейзажами. Пальмы и фикусы в керамических кадках. Ни единой пылинки.

Бессменная хозяйка, мадам Жюстин де Монброн, справедливо полагает, что человеку *должно быть приятно* приходить в банк – постоянные клиенты должны чувствовать себя здесь как дома, а те, кто появился впервые, обязаны ощутить заботу о себе, дабы впоследствии вновь и вновь возвращаться. Бизнес и сервис неразделимы, как выражаются в САСШ, хотя в американской глубинке вроде Небраски или Аризоны никто не станет тратить на такую роскошную обстановку – чем проще и быстрее, тем лучше.

– Добрый день, господа, – пожилой администратор величественно и уверенно выдвинулся навстречу потенциальным клиентам. Этих людей (явные иностранцы!) он видел впервые – что ж, прекрасно! – Огюстен Флери, управляющий филиала, к вашим услугам. Чем могу быть полезен?

Тимоти незаметно подтолкнул локтем доктора – Шпицер умел говорить красивее. Часы на стене начали отбивать половину второго дня.

– Бонжур, мсье, – коротко поклонился доктор, приподняв шляпу. – Нам необходимо срочно увидеться с директором. Господин Робер де Монброн на месте? Примите визитные карточки.

Два картонных квадратика переключались в ладонь мсье Флери.

– Дело очень срочное, – добавил Тим с кошмарным акцентом.

– Я искренне сожалею, но придется подождать. Сейчас время обеда. Не сомневаюсь, господин директор вас непременно примет спустя час. Вы можете отдохнуть и...

– Мсье, повторяю, дело не терпит отлагательств, – настаивал Шпицер. О эта ужасная французская традиция, обедать не в шесть-семь вечера, а вскоре после полудня! Нация обжор! – Извольте немедленно передать визитки.

– Речь идет о десятках миллионов, – с техасской непринужденностью приврал Тимоти.

Иностранцы выглядели уверенно и казались обеспеченными людьми. Вдруг действительно что-то серьезное? Флери кивнул мальчишке из числа прислуги, передал ему карточки, и юнец мигом скрылся за боковой дверью, ведущей на второй этаж, где находились кабинеты руководства банка, комнаты с частными сейфами и обширный бухгалтерский отдел.

– Пожалуйста, присядьте, – сказал администратор. – Я распоряжусь, чтобы вам приготовили ко...

– Попросят явиться тотчас, – парень стремглав промчался через фойе. Едва не поскользнулся на гладком мраморе. – Приказали проводить.

Огюстен Флери зыркнул на охранника – он обязан был проследить за странными посетителями вплоть до кабинета господина де Монброна. Безопасность и внимательность прежде всего, этого требует сам мсье Робер и госпожа директриса, его досточтимая матушка. Никакого риска ни при каких обстоятельствах! Репутация одного из самых надежных банков Франции обязывает – происшествия недопустимы!

Поднялись по лестнице, позади шел усатый жандарм – государственная полиция охраняет только солидные конторы, заключающие недешевые контракты с жандармским управлением Парижа и выплачивающие жалованье охране за свой счет. Вышли в длинный широкий коридор второго этажа, окна выводят во двор с пышным палисадником.

Начищенная бронзовая табличка на двустворчатой высокой двери. Надпись гласит: «Робер де Монброн. Директор». Полтора года тому всемогущая маменька позволила ставшему взрослым сыну занять высокий пост – начальника центральной конторы «Монброн ле Пари»! – и ввела отпрыска в совет директоров банка! Ничего себе! Видать, плакса Роберчик и впрямь вырос.

Мальчишка аккуратно постучал. Из-за двери донеслось громкое:

– Минуточку! Буквально одну минуточку!.. Потрудитесь подождать!

– Да он спятил, – по-английски сказал Тимоти и толкнул дубовый притвор с круглой бронзовой ручкой. – Робер, так нельзя встречать старых друзей!

– Я подсунул визитки под дверь, мсье не открывал, – тут же осведомил гарсон голосом завязтого ябедника. Схватил машинально протянутую доктором Шпицером купюру в десять франков и немедленно сбежал. Жандарм пока оставался возле лестницы, наблюдая.

– Ничего себе живут банкиры в веселом Париже, – беззаботно присвистнул Тим, остановившись на пороге обширного кабинета.

– Познакомьтесь, это мадемуазель Мари, – Робер, слегка потолстевший и отрастивший короткую черную бородку, ничуть не смутился, продолжая застегивать пуговицы на сюртуке. – Мари, это мои друзья из Североамериканских Штатов.

Брюнетистая девица, вся в легкомысленных розовых кружевах, улыбнулась профессионально-приветливо. Продолжила натягивать шелковые чулки, выставив на всеобщее обозрение воздушную точеную ножку.

– Значит, обед, – хмыкнул Тимоти. – Боже мой, Робер, в прежние времена ты не мог даже взглянуть на женщину не краснея!

– Прошрое в прошлом, – невозмутимо отреагировал мсье де Монброн, поправляя фиолетовый галстук-бант с аметистовой брошью. Повернулся к фривольной особе: – Мари, крошка, я телефонирую вечером. Клод тебя проводит...

Особа, так и не произнесшая и единого слова, упорхнула за дверь.

– Господа, кстати насчет обеда! Я заказывал на двоих, но мы... Впрочем, это неважно. Я немедленно позвоню в ресторацию мсье де ла Креси, это на соседней улице! Очень советую лосося в бретонском соусе!

– Робер, мы не хотим кушать, – сказал доктор Шпилер.

– ...А вот я бы выпил, – продолжил Тимоти. – Где у тебя бар?

– Ирландский варвар! Какой бар в деловом кабинете? Посмотри на столике, в ведерке со льдом осталось шампанское, мы почти не пили...

Тимоти отродясь был человеком простым и незамысловатым. Техасец, что возьмешь! Нашел бутылку темного стекла с «Мадам Клико» 1902 года, зубами вытащил пробку, налил в бокал. Предложил доктору, но Шпилер отказался – он позволял себе спиртное только вечером.

Выглядел Робер блестяще. Во-первых, новоиспеченный директор всегда одевался в соответствии с модой; даже тогда, на Рейне, предпочитал носить костюм, а не рабочую робу и прорезиненный плащ, как все остальные. Во-вторых, Монброн следил за собой – темные волосы и бородка аккуратнейше пострижены лучшим куафером, маникюр, запах дорогой кельнской воды, здоровый цвет лица, приятная полнота (правда, не особо сочетающаяся с невеликим ростом Робера), уверенно-спокойный взгляд карих галльских глаз.

Черт, и ведь мсье де Монброн лишь на два года младше всех прочих концессионеров – двадцать четыре ему исполнится только в грядущем августе!

– В чем дело? – Робер, оценив мрачноватые лица Тимоти и доктора, вдруг построжал. Сдвинул брови. – Почему вы не предупредили о приезде? Что произошло? Это связано с...

Тим вынул из внутреннего кармана пиджака телеграмму Джералда. Передал Роберу.

– Но... – выдохнул Монброн. Побледнел. – Опять?

– Только не реви!

– Да я и не реву, кретин! Что это значит? *Оно вернулось?*

– Поверьте, дорогой Робер, пока ничего не известно, – мягко сказал доктор. – Джералд не стал вызывать вас телеграммой, зная, что вы найдете способ отказаться, не поехать. Поэтому он прислал нас. Но если и сейчас вы будете против, мы не вправе настаивать. Решать вам.

Цвет лица Робера де Монброна поочередно сменялся с молочно-белого на зеленоватый, затем на багровый. Было видно, что в нем борются застарелый страх и уверенность в самом себе – та самая уверенность, которую он обрел в ночь на 15 апреля 1912 года, когда «Титаник» протаранил плавучую ледяную гору.

– Я... – пролепетал Робер, – я не знаю. Надо сообщить маме. У меня ответственная должность... Я не могу просто так уехать!

– Ты все еще советуешься с мамой? – поддел Тимоти.

Робер мигом выверился, сверкнул глазами:

– Так! Билеты в Лондон есть?

– Давно куплены. На всех троих. Отправление сегодня, поездом с Гар дю Нор в семь вечера.

– Отлично. Я успею утрясти все дела. Сколько денег взять с собой?

– Столько, сколько посчитаешь нужным.

– Значит, много. Ничего, в наличных нет затруднений. Как думаете, это надолго? На Рейне мы возились полгода!

– Не знаю, Робер.

– Боже... Вот и кончилась спокойная жизнь! Я знал! Я знал, что эта гадина однажды вернется!

– Монбрончик, давай без истерик.

– Тимоти, умоляю, хватит! Отправляйтесь на вокзал. Я приеду в половине седьмого, к поезду. Какой вагон?

– Четвертый. Точно приедешь, плакса?

Робер де Монброн молча шагнул к мистеру О'Доновану и не раздумывая залепил ему прямой хук в переносицу. Сразу схватился левой рукой за ушибленные костяшки пальцев.

– Вот это я понимаю, – восхищенно сказал Тим, утирая хлынувшую из ноздрей кровь медвежьей пятерней. Техасец смотрел на малыша Робера едва не с восторгом. – The best! Где у тебя туалетная комната, мне надо умыться! Я закапаю костюм!

– Вон та белая дверь, – потряс ладонью Монброн. – Извини, пожалуйста, я, честное слово, не хотел!

– Да все отлично! – прохрипел Тим, пуская холодную воду из крана. – Вот тебе и плакса!

* * *

В час сорок минут ночи 16 марта 1914 года трое джентльменов, прибывших в Лондон на вокзал Чаринг-кросс поездом из порта Дувр, взяли «motorcab», извозчика на автомобиле, и отправились в отель «Кларидж» на Брук-стрит.

Пока можно было лечь поспать, а уж затем...

Затем следует отправиться в графство Йоркшир, Слоу-Деверил холл, где находится штаб-квартира Джералда Слоу, лорда Вулси. Почему он решил спешно уехать из Лондона в деревню, так же было неизвестно.

Какой сюрприз преподнес старина Джерри, не знал никто, однако сомнений не было – древнее чудовище, неведомая бестия, которую пробудили археологи-любители два года тому, снова начала преследовать несостоявшуюся концессию.

Это вызывало нешуточное беспокойство. И не меньший азарт.

Глава первая

Заседание концессии

Йоркшир, Слоу-Деверил холл – Ливерпуль.

16–24 марта 1914 года

Английская дворянская усадьба является очень сложным организмом, своеобразным государством в государстве со своей иерархией, неписаными законами и вековыми традициями. Замок, сердце поместья лордов Вулси, обслуживают десятки лакеев, кухарок и горничных, возглавляемых дворецким; за протянувшимся на тридцать две мили с севера на юг парком и буковым лесом прислеживают садовники и егеря (охота на лис в Слоу-Деверил славится на все графство, здесь охотится даже король Георг, в постоянный штат входят конюхи, берейторы, псари, кучера, механики и так далее, и так далее...

Маленькая густонаселенная страна, ныне возглавляемая сэром Артуром Слоу, одиннадцатым лордом Вулси, перешла во владение семьи почти триста пятьдесят лет назад, при королеве Елизавете I Великой, благоволившей предкам Джералда и его пожилого отца – портрет знаменитого пращура, так же Джералда, талантливого военного и сподвижника Френсиса Дрейка, в обязательном порядке украшал все принадлежащие семье дома, от Лондона до Йорка и родового гнезда, воздвигнутого на берегу реки Юр, к северу от городка Хэрроугейт.

Если Тимоти и Робер в прежние времена частенько гостили в Слоу-Деверил холле и призывали к елизаветинскому великолепию замка, то доктор Шпилер испытал легкий культурный шок – он знал, что семья Джералда богата, но и представить не мог, что предводитель концессии обитает во дворце, будто сошедшем со страниц средневековых романов о короле Артуре или Тристане и Изольде.

– Видите справа каменная кладка и башня с острой крышей? – Коляска, встретившая гостей на железнодорожной станции, огибала пологий холм, на котором возвышался замок. Робер взял на себя роль экскурсовода. – Это все, что осталось от старого укрепления, построенного здесь сразу после нормандского завоевания около девятисот лет назад. Большую часть крепости снесли, а главное здание в ренессансном стиле начали возводить в 1572 году, закончили при Карле II. Левое крыло перестроено в восемнадцатом веке, после пожара. Со стороны южного фасада – английский парк, оранжерея и вон там, за бокажами, поля для гольфа...

– Джерри отлично устроился, – кивнул Тимоти. – Королю какой-нибудь Сербии или Черногории ничего подобного и не снилось. Сто сорок комнат, вообразите, док!

– Внушает невольное уважение, – согласился Шпилер. – Это даже не поместье, а маленький городок. Очень, очень красиво. Наверное, и привидения водятся?

– Ни разу не видел, – отрекся прагматичный Тимоти. – А вот лошадки на конюшне знатные, что есть, то есть – арабские, русская орловская, таких не отыщешь ни у кого в Далласе, даже на ранчо моего папаша... Сами увидите, док. Вам, как техасцу, теперь положено интересоваться лошадьми.

Замок был выстроен по классической схеме – квадрат с внутренним двором и угловыми башенками (сохранившаяся с XI века башня несколько не вписывалась в архитектурное решение, но традиции есть традиции!), три этажа, крытая красно-бурой черепицей крыша. Арочные окна забраны цельными стеклами, никаких решеток – это уже новейшие веяния. Фасады выкрашены в золотисто-бежевый цвет, украшения бронзовые, позеленевшие от времени. Над

аркой шпиль с обязательным штандартом святого Георгия, алый крест на белом поле. Хозяйственные пристройки в стороне, дальше к северу, однако и они выдержаны в едином стиле и не создают диссонанса.

Фолджем, дворецкий, встречал гостей у парадного входа – в его обязанности входило размещение прибывших по комнатам и обеспечение джентльменов всем необходимым. Дело осложнялось тем, что ни у одного из друзей сэра Джералда не было камердинера, призванного следить за гардеробом и выполнять обязанности личной прислуги. Придется временно перевести на эти должности троих опытных лакеев.

Тимоти немедленно шокировал Фолджема сообщением, что камердинер ему (а равно и господину доктору) не требуется, мы привыкли все делать сами. Только мсье Робер согласился – зачем отказываться, если предлагают?

Слоу-Деверил холл мог быть сколь угодно древним, но относительно современных удобств дело обстояло наилучшим образом: в ванных комнатах горячая и холодная вода (никаких за океанских смесителей, английская система – два отдельных крана), канализация, везде проведено электричество, есть телефон. Почему хозяева не встретили давно ожидаемых визитеров? Очень просто, сэр: его светлость сэр Артур сейчас отдыхает в Шотландии, а сэр Джералд и юная леди утром уехали на автомобиле в Йорк по срочным делам. Вернутся к обеду.

– Юная леди? – вздернул брови Тимоти.

– Да, сэр. Мисс Евангелина Чорваш. Она прибыла несколько дней назад.

– Вполне ожидаемо, – пробормотал Шпицер. – Нашу удивительную компанию невозможно представить без красавицы-Кримхильды...

До вечера гости предавались праздности – Робер показывал доктору замок, мистер О’Донован взял подшивку «Панча», оккупировал курительную и банально накачивался коктейлями. Наконец, во двор въехал темно-зеленый «Даймлер-1913». Против ожиданий, из авто вышли не двое людей, а трое – последним оказался широкоплечий блондин в кепи и твидовом костюме спортивного кроя. Ну разумеется, это же господин Реннер – говоря без лишних преувеличений, самый странный представитель концессии!

– ...Ойген постоянно живет в Слоу-Деверил, – пояснял лорд Вулси, когда после взаимных приветствий вся компания отправилась на террасу перед замком. Фолджем с величественностью, присущей исключительно британским дворецким, извещил, что обед будет подан ровно через час пятнадцать минут, погода была солнечная и теплая, господа и мисс Чорваш расположились в шезлонгах. Лакеи доставили виски, сифон и серебряное ведро с колотым льдом. – Здесь великолепная библиотека, а наш юный друг проявляет огромный интерес к знаниям.

– Юный? – фыркнула Евангелина. – Вы мастер преуменьшать, милорд. Ойген, будь любезен, ответь, кто ты на самом деле? За два года можно было определиться!

– Вам бы все шуточки, – скромно улыбнулся Реннер. – Помните исходную теорию? Одно тело, две души? Ничего не изменилось, мисс. Почти. Мы с Хагеном стали единым и неразделимым целым, больше никаких превращений меня в... гм... в него и обратно.

– Данный феномен так и остался неразъясненным, – авторитетно добавил Джералд. – Одно время у меня была мысль показать Ойгена лучшим лондонским психиатрам и физиологам, но это непременно привело бы к раскрытию нашего общего секрета. Представляете, к чему могла привести столь громкая сенсация в научном мире? Возникли бы неудобные вопросы, отвечать на которые никто из нас не вправе. А мои собственные наблюдения свидетельствуют: простоватый австрийский рабочий и Хаген из Тронье, хранитель клада, образовали некую третью сущность... Физически Ойген не изменяется, не стареет. Интеллектуальный уровень, наоборот, потрясает: закончивший Итон библиотекарь, мистер Твислтаун, рядом с Ойгеном кажется полным невеждой! Ну и... Специфические особенности, разумеется.

Ева внимательно посмотрела на Реннера и призвала на помощь свой дар – она умела замечать невидимое. Все верно, лорд не ошибается: Ойгена отличает от прочих людей нераз-

личимый простыми смертными отсвет «волшебства», оранжево-золотистое пламя – этот огонек Евангелина видела столь же ясно, как и сойку, разгуливавшую по террасе, благо и сама обладала весьма необычными способностями, унаследованными от матери, урожденной княгини Брезой-Цепеш.

Время провели за непринужденной болтовней – делились новостями, новопривывшие наперебой поздравляли Еву с новым достижением (телеграммы о победе мисс Чорваш в недавнем ралли давали и заокеанские газеты), Тимоти привычно подтрунивал над Робером – господин Монброн теперь большой начальник, банкир с репутацией, а легкомысленных девиц в кабинет приглашает! Вот бы сообщить об этом репортерам парижских бульварных листков и пристроить фотографический аппарат на крыше дома напротив! Сенсация, мадам и мсье! Эксклюзивные снимки! Робер в ответ рассеянно отшучивался, понимая, что сердиться на этого невоспитанного бонвивана бессмысленно.

Один только Шпилер был не в настроении, хотя и поддерживал разговор из вежливости – доктора не оставляло чувство нешуточной тревоги; и без дополнительных слов ясно, что экстренный сбор концессионеров проведен лордом далеко неспроста, а это означает, что в ближайшей перспективе хранители секретов рейнского клада могут столкнуться с изрядными проблемами. Боже мой, а ведь жизнь только-только начала становиться размеренной и предсказуемой! И кроме того, всем концессионерам кроме доктора Шпилера не надо трудиться ради куска хлеба, они могут позволить себе приключения в стиле Жюль Верна только ради борьбы с проклятием всех богатых людей – скукой...

«Что бы ни произошло и о чем бы не попросил Джералд – откажусь, – решил для себя доктор. – Хватит, пора остепениться, а не носиться сломя голову за призраками тысячелетней давности! Это же невыносимо!...»

Сам Джералд ничуть не торопился с объяснениями – во-первых, рядом прислуга, которая всегда слышит больше, чем положено. Никто не гарантирует, что старинные недруги не подкупили одного из лакеев, пускай в Слоу-Деверил доселе жив обычай старой доброй феодальной верности господам, а Фолджем подбирает персонал с тщательностью адмирала, составляющего списки экипажа флагманского дредноута. Во-вторых, объясняться придется долго, иллюстрируя свои доводы несомненными доказательствами – для этого лорд поутру купил в Йорке «Волшебный фонарь Гэйджа», новейшую модель электрического проекционного аппарата, способного многократно увеличивать рисунки и отображать их на экране, только линзы меняй. И в третьих, спешка сейчас решительно ни к чему – дела, подобные задуманному Джералдом, в полчаса не решишь.

– Пора одеваться к обеду, – напомнил лорд, завидев шествующего к террасе дворецкого. – Да-да, Фолджем, благодарю вас... Джентльмены, мисс Чорваш, я буду ждать вас в столовой.

– Ненавижу английские обеды, – проворчал Тимоти. – Ну почему только ради того, чтобы похлебать жидкого супу и поковыряться вилкой в овощах, приходится напяливать смокинг?

– Терпи, – Монброн расплылся в улыбке. – Здесь тебе не вонючий салун на Диком Западе.

– То-то и оно...

Обед, как известно, это не только и не столько прием пищи, сколько освященная временем и непременными традициями церемония – особенно если ты находишься в замке всамделишного лорда. Настоящее испытание для человека непривычного. Огромная столовая, площадью превышающая теннисный корт, вокруг стола можно свободно ездить на велосипеде, и все это в гнетуще-торжественном обрамлении гобеленов времен короля Якова, канделябров темной бронзы и обязательного фамильного столового серебра, наверняка помнящего Френсиса Дрейка, некогда гостившего в Слоу-Деверил. Никакой австрийской помпезности или германского спартанства в стиле Фридриха Великого – суровая величественность старой Британии.

Впрочем, атмосферу за столом создают люди, а не архитектура или антикварные вещицы. Непринужденный разговор продолжился – Ойген, посмеиваясь, рассказывал о своих приключениях в колледже Йорка, Джералд с увлечением повествовал о новых приобретениях для коллекции древностей, словом, под такой аккомпанемент можно было вкушать луковый суп с клецками, не обращая особого внимания на его вкусовые качества: известно, что кухня на Островах ужасна. После смены блюд Робер поименовал находившуюся в его тарелке субстанцию «жареными опилками» и настоятельно посоветовал лорду нанять французского повара. Любого, путь даже не самого квалифицированного.

Затем всей компанией отправились в курительную – сигары и брэнди для господ, Евангелина предпочла кубинские папиросы. Дверь плотно затворили.

– Джерри? – Тимоти решился первым. – Может быть, время уже настало? Хватит тянуть. Что случилось и почему мы все находимся здесь? Фафнир? Он нашел способ выбраться со дна океана, куда мы его отправили позапрошлой весной?

– Не совсем, – как-то чересчур неопределенно пожал плечами лорд Вулси. – Видите ли, друзья, за эти два года ни я, и, как полагаю, никто из вас не ощущал на себе прямое воздействие силы, которую мы условно именуем «драконом Фафниром». Споров нет, клад Нибелунгов теперь покоится в глубинах Атлантики, однако я вовсе не убежден, что Фафнира можно вот так запросто утопить и тем самым навсегда от него избавиться. В любом случае, это существо... кхм... не подавало признаков жизни длительное время. Или мы таковых не замечали? Давайте вспомним любые странные, непонятные события, происшедшие с каждым из нас за два года – может быть, вы не обращали на них особого внимания, но...

– Папашин рысак саданул мне копытом по колену, месяц ходить не мог!

– Тимоти, пожалуйста, шутки сейчас неуместны. Я говорю с полной серьезностью!

– Ничего особенного, – отозвалась Ева. – Я бы почувствовала приближение дракона или внимание с его стороны... Затрудняюсь с ответом.

– Тоже ничего, – сказал Робер. – Ни Фафнир, ни эти мерзавцы из Приората меня не беспокоили. Кстати, аббата Биеля около полугода назад перевели из Парижа в какой-то захудалый приход аж в Аргентине, в газете была заметка. Что он натворил, неизвестно, но Ватикан принял решительные меры и сослал аббата за океан... Про отца Теодора Клаузена никаких известий. Мама беседовала с мсье Люком Анно, он тоже не отмечал повышенного интереса недоброжелателей к нашей семье или предприятию.

– Полная тишина, – Тимоти говорил за себя и Шпилера. – Джерри, драконы и Техас несовместимы!

– А вот у Ойгена несколько иные наблюдения, – ответил лорд. – Мистер Реннер?

– Не ждите от меня откровений вселенской важности, – сразу же заявил Ойген. Сделал паузу, слегка покраснел. Евангелина отметила, что он доселе не избавился от привычки смущаться по любому поводу. – Фафнир, если позволите так выразиться, жив и здоров – пока я был Хранителем клада, поневоле пришлось изучить привычки и особенности дракона, вернее Духа Разрушения, в те отдаленные времена воплотившегося в тело ящера... После истории на Рейне Фафнир, как всем известно, проснулся и начал снова набирать силу – я полагаю, для нового воплощения.

– Это что же, – перебил Робер, – проклятая скотина однажды снова получит телесный облик? Ойген, ты смеешься? Огнедышащий дракон в центре Парижа? Репортеры с ума сойдут от такой сенсации!

– Не знаю. Он может выбрать любую форму для воплощения. Человека, например... Многие чудовища древнегерманской мифологии носили оболочку, внешне сходную с людьми. Мать тролля Гренделя из «Саги о Беовульфе», к примеру. Да и сами драконы имели свойство иногда превращаться в людей.

– Пойдите, – решительно сказал доктор. – Мифология – это прекрасно, но мы живем в цивилизованном двадцатом веке! Объясните мне природу Фафнира с научной точки зрения, помнится в прошлый раз мы так и не пришли к определенным выводам! Что оно такое? Неужели никто из вас не интересовался?

– Мы с Ойгеном интересовались, – сказал Джералд. – Современная физика однозначного ответа дать не может, а обращаться к мистикам и теоретикам в области эзотерики бессмысленно. Энергетический сгусток, магнетическая субстанция, обладающая разумом, свободой воли и частичной свободой действий – подойдет?

– Слишком расплывчато, – буркнул Монброн. – Ладно, оставим, все равно ничего толкового не придумаем. Так что же Фафнир? Где он сейчас?

– Представления не имею, – покачал головой Ойген. – Однако зимой мы вместе с сэром Джералдом провели небольшое статистическое исследование, на мысль навела страшная железнодорожная катастрофа в Дартмуре – погибли шестьдесят семь человек, возник пожар. Так вот, господа: с марта тысяча девятьсот двенадцатого года и по сей день количество всевозможных инцидентов с фатальными последствиями в Европе, САСШ и Канаде возросло примерно втрое по сравнению с первым десятилетием нынешнего века. Аварии на железных дорогах и фабриках, в Атлантике бесследно исчезли восемь крупнотоннажных судов, причем все они были оснащены радиотелеграфом Маркони...

– Промышленность активно развивается, техники все больше и больше, – справедливо заметил Шпицер. – Это же элементарно – чем сложнее система, тем больше вероятность ее саморазрушения!

– За десять лет на океанской трассе между Европой и восточным побережьем САСШ пропал только один корабль, – дополнил лорд. – «Гвиния» из Саутгемптона, причем семнадцать месяцев спустя обломки нашли на Ньюфаундленде и сделали вывод, что судно разбилось о скалы во время шторма и затонуло неподалеку от безлюдного берега... А после нашего путешествия на «Титанике» сгинули целых восемь кораблей, это подтверждает и издание «Регистра судоходства Ллойда». Далее: общая аварийность на железных дорогах возросла на тридцать семь процентов с учетом того, что протяженность путей за два года выросла всего на четыре с половиной процента. Катастроф на фабриках стало больше на четверть, причем речь идет не об изношенности оборудования, а о совершенно диких, невообразимых случайностях, которые не объяснишь ротозейством рабочих или техническими неисправностями!

– Бред, – коротко резюмировал Тимоти.

– Почему же? – оживилась Ева. – Мы уже тогда выяснили, что Фафнир очень быстро учится, приспосабливается к новым для него условиям! Это он устроил странные пожары в Страсбурге, взрыв на Восточном вокзале Парижа, а затем несколько дней подряд пробовал на прочность «Титаник», что едва не привело к крушению! Безусловно, рассуждения Джералда выглядят несколько натянуто, однако исключать саму возможность вмешательства дракона мы не вправе – это существо изначально нацелено на разрушение. Так было полторы тысячи лет назад, во времена бургундских королей и Зигфрида, так осталось и поныне – его природу не изменишь!

– Обычное совпадение, – мистер О’Донован не изменял врожденному прагматизму американского ирландца. – Джералд, ты заставил нас приехать в Англию только затем, чтобы сообщить о сомнительных изысканиях в области статистики катастроф? Если так, я буду требовать, чтобы ты оплатил нам с доктором расходы на билеты! Это не смешно!

– Я вовсе не смеюсь, – спокойно ответил лорд. – Поднимемся в библиотеку, покажу любопытнейшие материалы, которые, скорее всего, напрямую связаны с кладом Нибелунгов и его бестелесным хозяином. Собственно, ради них я и попросил всех вас навестить мое уединенное жилище... И лишь потом вы будете вправе решить, стоит ли поддержать мой проект или отказаться от него.

– Проект? – подозрительно прищурился Тимоти. – Иисус-Мария! Ты о чем говоришь? Опять?!

– Торопливость джентльмену не к лицу, – Робер легонько подтолкнул американца локтем. – Давай сначала взглянем, что отыскал Джерри, а через час будем телеграфировать в компанию «Уайт Стар» и заказывать билеты на пароход...

* * *

Ведомство мистера Обри Твислтауна – библиотека замка Слоу-Деверил – располагалось в анфиладе из шести залов второго этажа. Четыре помещения были отданы под книгохранилище, в двух последних обустроили домашний музей. Было видно, что предки лорда Вулси уделяли библиотеке самое пристальное внимание и не жалели денег для ее пополнения – средневековые рукописи, первые немецкие печатные инкунабулы, тысячи других редких изданий украшали темными корешками могучие шкапы красного дерева, в залах устроили современную вентиляцию, пятнадцать лет назад заменили газовое освещение электрическим и заодно приняли меры, защищающие коллекцию от воров: подъемные металлические жалюзи, хитрые замки на дверях и обязательная сигнализация – звонок проведен в ближайший полицейский участок деревни Лэдлоу.

«Музей» создал сэр Артур по возвращению из Индии (он тогда служил по ведомству генерал-губернатора Джорджа Натаниэла Керзона в Калькутте до 1903 года) – основой послужило собрание индийских, персидских и цейлонских редкостей, обычное увлечение богатых чиновников в дальних колониях. Джералд, с юности интересовавшийся историей, продолжил дело родителя с удвоенным рвением, некоторым экспонатам могли бы позавидовать Лувр вкупе с Британским музеем, особенно это касалось книг и свитков, на которые наследник тратил неслыханные деньги. Артур, впрочем, не возражал.

Как человек прогрессивный, лорд Вулси-младший следил за новейшими веяниями в музейном деле – соседние комнаты занимали великолепно оснащенные фотолаборатория и реставрационная мастерская: при необходимости всегда можно пригласить специалистов из Йорка или Лондона, чтобы те сделали копии с рукописей или восстановили поврежденный временем раритет.

– Решил обзавестись синемаграфическим проектором? – осведомился Монброн, первым делом обратив внимание на прямоугольный белый экран, украшавший стену справа. – Никчемная причуда, никто ведь не содержит дома театр с актерами? В Париже я обычно хожу в синемаграф к Люмьерам, нужно чувствовать настроение зала, слушать музыку...

– Помолчи, утонченный ценитель прекрасного, – отмахнулся лорд. – Никаких сомнительных развлечений, цели сугубо утилитарные. Рассаживайтесь. Тимоти, тебя не затруднит опустить жалюзи? Спасибо... Итак, давайте припомним некоторые детали наших позапрошлогодных походов...

Золотистый луч «Волшебного фонаря Гэйджа» рассек полутьму залы и на экране появилось фотографическое изображение похожего на большой гроб деревянного ящика, стоящего на полу в тесном помещении без мебели.

– Узнаете? – спросил Джералд. – Да-да, это наш клад...

– Не помню, чтобы мы его фотографировали, – заметил Роббер.

– Несколько дней сокровища хранились в подвале британского посольства в Париже и я посчитал, что наиболее ценные предметы следует увековечить. На всякий случай. Как видите, не ошибся...

Проекционный аппарат был устроен просто и удобно: кладешь бумажные карточки или фотопластинки в выдвигающийся лоток, затем поворачиваешь маленькую медную рукоять и особое устройство с пружиной отбрасывает уже просмотренные снимки в предназначенную

для них коробку. Для начала лорд Вулси порадовал соратников еще тремя видами здорового ящика и наконец перешел непосредственно к «экспонатам».

– Мы вели себя как сущие дилетанты, – комментировал Джералд. – Золото и камни исторической ценности не представляют, в отличие от оружия или предметов прикладного искусства. Тогда нам пришлось убираться с берега Рейна с крайней поспешностью, наверняка часть клада осталась там, в глиняной яме...

– Останься мы еще хоть на день, немецкая полиция прихватила бы всю компанию и золото дракона вдобавок, – сказал Тимоти. – Мы и так были под подозрением из-за первых убийств, совершенных Фафниром, а ведь мотив налицо: гора драгоценностей! Робера они все-таки арестовали!..

Монброн поморщился. Воспоминания о суточном пребывании в камере полицейского управления Кобленца не относились к числу приятных – слава богу, концессионеры не бросили товарища в беде и с помощью германских социал-демократов отбили заключенного во время перевозки в окружную тюрьму.

– Не будем отвлекаться, – лорд Вулси сменил картинку на экране. На четкой контрастной фотографии красовался богатый шлем с золотыми накладками, вертикальной стрелкой и тонкой чеканкой. – Ойген... Вернее, Хаген, тогда ясно определил, что этот шлем принадлежал Зигфриду Нидерландскому, победителю дракона. Один из двух найденных нами мечей, скорее всего, тоже – посмотрите на карточку, очень характерный и сложный орнамент. Вот крупно.

Узор на шлеме и сохранившейся части лезвия меча можно было отнести к древнегерманским или даже скифским образцам – сплетенные в яростной схватке волки и олени, распахнувшие крылья орлы, похожие на грифонов сказочные твари, ветви деревьев с резными листьями, полуобнаженные воители с мечами. Чистое, ничем не замутненное воплощение священной ярости и радости битвы. Работа изумительная, и не подумаешь, что этот шедевр вышел из мастерской варвара, а не римлянина или византийца!

– Усмотрев некоторые закономерности, я попросил библиотекаря скопировать узор цветной тушью. Люди синим, птицы красным, животные зеленым и существа мифологические – лиловым. Получилось очень интересно, – Джералд отправил в лоток волшебного фонаря лист изрисованной бумаги. – Каждая группа представлена отдельно, в своем ряду. Как вы можете заметить, объединяют их ветви Иггдрасиля, Мирового Древа, на котором зиждется вселенная. Гравировка на шлеме составлена как бы из нескольких слоев...

– Джерри, это безумно интересно, – заскукавший Тимоти украдкой зевнул. – Но какое отношение...

– Потерпи. На шлеме – семь сюжетных линий, объединенных в одну, заметили? Теперь посмотрим изображение, скопированное с клинка, их осталось всего пять – исчезли «сказочные» твари и орлы. Теперь внимательно изучим следующий рисунок. Как полагаете, что это?

– Погребение какого-то вождя варваров, – пожал плечами Робер. – Я еще что-то помню из университетского курса по древней истории, стилистика позднелатинская, уже после завоевания Италии готами – искусство тогда пришло в упадок, изображение слишком примитивно. Постой, ты намекаешь на узор, которым покрыты доспехи и щит?

– А ведь мсье де Монброн абсолютно прав, – Ева поднялась со стула, подошла к экрану и провела указательным пальцем по тончайшим линиям на проекции. Ее рука отбрасывала резкую черную тень. – Рисовали с натуры, это очевидно. Или у художника была великолепная память, если он в точности запомнил детали! Орнамент по окружности щита точь-в-точь повторяет узор на шлеме Зигфрида!

– С небольшим отличием, – Джералд сменил линзу на аппарате. – Из семи групп персонажей осталось четыре, а вот на доспехе их целых девять, единственно возможный максимум!

– Почему? – заинтересовался доктор.

– Число-символ, девять миров, объединенных Иггдрасилем. Варвары полагали, что душа обитает в груди человека, а не в голове, поэтому защита тела, непосредственно доспехи, гораздо важнее щита-шлема.

– Ну и к чему ты клонишь? – сказал Робер.

– Я поняла, – кивнула Евангелина. – Ребус достаточно прост: некогда было сделано девять предметов, объединенных... Как сказать правильно? Одной стилистикой? Комплект, над которым работал неизвестный мастер, возможно, не-человек.

– А кто же?

– Некоторые боги и так называемые «волшебные существа» не чурались ремесла. Гефест у греков, Доннар или Тор у германцев и скандинавов, финский Ильмаринен, Вёлунд, Гоибниу доримской Галлии... Кто знает? Если существовали драконы, наподобие нашего Фафнира, не следует отказывать в праве на бытие и другим героям легенд.

– Браво, – лорд тихонько похлопал в ладоши. – Мадемуазель Чорваш полностью повторила ход моих мыслей. Однажды нам удалось подержать в руках два предмета из гипотетических девяти – меч и шлем, незнамо какими путями доставшиеся Зигфриду Нидерландскому. Именно это оружие помогло герою уничтожить дракона: меч Бальмунг или, в скандинавской традиции, Грам, был создан Вёлундом для повелителя Асгарда Одина, а затем сломан и перекован Регином. Следуя этой логике мы делаем вывод, что все девять предметов вышли из кузни Вёлунда и обладали неизвестными магическими свойствами, о которых можно строить самые разные предположения. Бесспорно одно: наши предки считали, что металл, огонь и искусство кузнеца отгоняют любую злую силу и способны разрушить недобрые чары.

– Я читала, будто могила Вёлунда находится в Британии, – припомнила Ева. – Это правда?

– Да. Мегалитический курган Вейленд-Смити в Оксфордшире, до сих пор среди тамошних крестьян ходит устойчивая легенда, что если возле кургана на ночь оставить коня и серебряную монетку, утром найдешь коня подкованным.

– Пробовал? – усмехнулся Тимоти.

– Пока нет. К сожалению, покопаться в этом кургане невозможно, Королевское археологическое общество внесло его в список особо охраняемых памятников, да и местные жители повесят на фонаре любого, кто осмелится покуситься на главную достопримечательность округа – вы же знаете, как суеверны люди в деревнях.

– Джерри, хватит красивых сказок, – мистер О’Донован откровенно тяготился бессмысленными рассуждениями, по его мнению имевшими самое косвенное отношение к реальности. – К делу! Меч и шлем Зигфрида со дня океана не достанешь, пока не построят такую же подводную лодку, как в романе про капитана Немо, а если Фафнир действительно вернется, убивать дракона придется более прозаическими методами! Какими – не знаю. К примеру, главным калибром линкора «Кинг Джордж V».

– Видите ли... – лорд слегка замялся и отвел взгляд. – Я понимаю, сейчас последует буря возмущения, но... Кхм... Ойген, покажи пожалуйста экспонаты, находящиеся на седьмой стойке...

Как и положено в любом музее, коллекция лордов Вулси хранилась на застекленных подставках, выстроенных вдоль стен. Одна из них сейчас была закрыта отрезом черной ткани. Ойген аккуратно свернул шелк и включил подсветку.

Тимоти лишь присвистнул, Робер схватился за сердце, а доктор Шпилер закашлялся.

– Но как?.. – выдавил Монброн. – Откуда? Почему они здесь?

– Тогда, в Париже, я решил, что переправлять клад целиком будет небезопасно, – смущенно ответил Джералд. – Всякое могло случиться и, разумеется, случилось... Последним вечером перед отправкой сокровищ в Шербур я вынул три наиболее крупных предмета, а именно шлем, клинок и епископский наперсный крест и отправил их в Нью-Йорк обходным

путем, курьерской почтой, на «Лузитании». Разумеется, после известных событий забыл об этом, а через месяц невостребованную посылку мне вернули – почта его величества работает безупречно...

– Господи боже, – Робер вынул платочек и утер пот со лба. – И после этого твоя проклятая светлость спрашивает, почему Фафнир не исчез? Дух дракона обитал в сокровищах! Каждый из нас его видел – выползающий из ящика сгусток серого тумана или светящаяся звездочка, появляющаяся по ночам! Почему ты ничего нам не сказал?! Это нечестно!

– Эти вещи к Фафниру никакого отношения не имеют, – тихо сказал Ойген. – Можете мне поверить. В них заключена другая сила.

– Объяснись, – Тимоти в упор уставился на лорда. – Я готов согласиться с тем, что ты хотел как лучше. Но почему два года молчал? Всё оставшееся от клада является общей ответственностью концессии, мы имеем ровно столько же прав, как и ты!

– А что ты предлагаешь делать? – Джералд сдвинул брови. – Создать репортеров, рассказать им о нашей аванюре и выставить предметы в музее? Перво-наперво, нам никто не поверит. Во-вторых, столь тщательно оберегаемый секрет будет раскрыт, что будет означать крупные неприятности. Никто не забыл, что после бегства из Германии мы так и не придумали относительно разумного способа легализовать сокровища? А уж когда выяснилось, что вместе с золотом Нибелунгов мы получили и проклятие Фафнира, все размышления окончательно зашли в тупик! Почему молчал? Думал, что делать дальше, искал и – теперь я в этом убежден – нашел.

– Что – нашел?

Лорд кивнул в сторону проекции рисунка из византийской книги.

– Указания на источник силы, способной остановить Фафнира. Творения Вёлунда, созданные им для давно ушедших богов, но однажды попавшие в руки людей. Разбудили Фафнира мы, нам же придется заставить его уснуть вновь.

* * *

По комнатам разошлись незадолго до трех пополуночи. Несколько раз звонили прислуге – принести в библиотеку виски и сэндвичи с огурцом и филе тунца. Евангелина ограничивалась чаем, зато громогласность споров джентльменов возрастала пропорционально количеству выпитого спиртного. До конфликта дело не дошло, вовсе наоборот – увлекающийся Тимоти воспринял идею лорда не без воодушевления, Робер начал вздыхать о том, что «невозможно так надолго бросить дела», Ева поддержала Джералда почти безоговорочно, и лишь доктор особого интереса к захватывающему проекту не проявил, хотя и участвовал в дискуссии наравне с остальными.

Ойген в основном помалкивал, но было очевидно, что авторство плана частично принадлежит и ему, поскольку австрияк минувшие годы был помощником лорда Вулси во всех делах, касающихся «вопроса Фафнира».

– Часть приготовительных мероприятий я уже провел, – сообщил Джералд. – Составил подробное расписание действий, в котором учел все ошибки, которые мы допустили во время охоты за кладом Нибелунгов.

– Все?! – не сговариваясь, хором повторили концессионеры.

– Хорошо, пускай... Разумеется, учесть любые случайности, которые могут встретиться на пути, невозможно, я не всеведущ, однако не допускать глупостей и грубейших накладок подобно рейнской истории мы теперь вполне в состоянии. Опыт пригодился.

– Теперь мы не просто дилетанты, а опытные дилетанты, – съязвил Тимоти.

– Вспомним постулат о том, что удачи чаще всего добиваются не профессионалы, а талантливые любители – мэтр Генрих Шлиман тому подтверждение. Подвиг Шлимана мы

повторили и частично превзошли. Он отыскал Трою и Микены, большие города, а нам удалось найти клад, спрятанный полторы тысячи лет назад!

– Ойген, надо было прятать лучше!

– Уж как сумел, мсье Робер. Тогда было необходимо как можно быстрее избавиться от проклятого сокровища, решение принимали вместе – я, вернее Хаген, и младший из трех братьев-королей, Хильдебер... Мы добровольно отказались от сокровищ и с нас проклятие было снято, воля дракона над нами не тяготеет.

– Давайте вернемся к основной теме, – лорд постучал ногтем по лакированной столешнице. – Вы должны понимать, что если нам достанутся как минимум четыре – а возможно и больше! – предмета из так называемой «коллекции Вёлунда», то мы получим серьезный козырь в возможном противостоянии с Фафниром! Ойген-Хаген ему не подвластен, это прекрасно, но рано или поздно проклятие настигнет каждого из нас!

– Еще Евангелина, – напомнил Ойген. – Она добровольно отказалась от клада.

– Это неслыханная авантюра, – вздохнув, сказал Монброн. – Причем куда более опасная и непредсказуемая, чем прежняя. Германия – цивилизованная европейская страна, а ты предлагаешь отправиться к настоящим варварам!

– Робер, незачем преувеличивать, – перебила Ева. – В любом государстве провинция и населяющие ее туземцы не отличаются уровнем просвещенности, высокой культурой и романтическим душевным складом. У нас в империи достаточно отъехать от великолепного Будапешта на десяток миль и вы окажетесь в средневековье – нравы и обычаи самые дикарские. Кроме того, я могу заручиться поддержкой некоторых влиятельных людей...

– А стоит ли рисковать? Вспомните, сколько неприятностей доставил нам аббат Теодор Клаузен, посвященный в секрет клада Нибелунгов!

– Без помощи святого отца, мы никогда не обнаружили бы сокровища, – справедливо заметил Джералд. – Теперь ситуация несколько иная, только мы одни знаем, что конкретно надо искать и приблизительное местоположение гробницы... Более того, у меня есть достоверные сведения об исходной рукописи, с которой была сделана византийская копия в «Истории Юстиниана». Достаточно было усидчиво посидеть над библиотечными каталогами. Ознакомиться с рукописью будет сложно, однако я надеюсь на связи мадемуазель Чорваш – она вовсе не зря намекала на знакомства в среде тамошнего высшего света...

– Подробное письмо графу я отправила третьего дня, – подтвердила Ева. – Делеша будет доставлена не морем, а железной дорогой, так значительно быстрее. Его светлость непременно ответится, он всегда отвечал на мои письма...

– Что ж, прекрасно. Вопрос ставится на голосование членов концессии: стоит ли браться за это дело и все ли желают принять в нем участие?

– Почему бы и нет, господа? – венгерка отозвалась первой. – В конце концов, каждый знал, что однажды нам снова придется встретиться с проклятием Фафнира, память у дракона долгая... Я согласна.

– Мистер О’Донован?

– Черт с тобой, Джерри. Ты ведь знаешь, что на меня всегда можно положиться. Мы эту кашу заварили, нам и расхлебывать. Участвую.

– Робер?

– Мама меня убьет, – грустно сказал Монброн. – Она доселе пеняет мне за наши изыскания на Рейне и их последствия. Если я сообщу о том, что хочу взять отпуск на несколько месяцев, бросить центральную контору банка и отправиться незнамо куда в поисках новых приключений – лишит наследства и проклянет почище Фафнира! Вы же знаете характер мадам де Монброн! Впрочем... Есть один выход. Напроситься на инспекцию по восточным филиалам, она давно намеревалась провести там ревизию. Придется ехать в Париж и выдумывать правдоподобную версию, почему именно я и именно сейчас решил взяться за проверку...

- Что-нибудь придумаешь, чесать языком ты горазд, – сказал Тимоти. – Значит, ты за?
- С некоторыми оговорками...
- Прекрати. Тут не заседание совета директоров «Монброн ле Пари», никаких оговорок – да или нет?
- Да. Но мне придется заниматься и другими делами...
- Успеешь, ты всегда был шустрым. Доктор?
- Я против, – решительно заявил Шпилер. – Ясная цель не поставлена, а вы, Джералд, не объяснили главного – зачем? Каков смысл? Никто не знает, каковы принципы действия предметов, якобы изготовленных мифическим Вёлундом, как в случае необходимости их использовать, и вообще, имеют ли они хоть какую-нибудь... хм-м... энергетику? При всем уважении к господину Реннеру и его мистическому alter ego, верить на слово я не склонен.
- Единственный разумный голос, – сказал Робер. – Причем доктор Шпилер абсолютно прав. Мы опять руководствуемся не трезвым разумом и логикой, а чисто умозрительными построениями и метафизикой. Впрочем, я к этому уже привык, поэтому и согласен ехать...
- Я не сказал, что отказываюсь категорически, – буркнул доктор. – Поймите, у меня практика, я должен вернуть кредит, столь любезно предоставленный лордом Вулси....
- Ах, вы о деньгах? – Джералд вздернул брови. – Оставьте, какая чепуха! Отдадите, когда сможете, помнитесь точные сроки мы не обговаривали. Немецкая пунктуальность и обязательность – замечательные качества, но только не в нынешних обстоятельствах. Будет очень жаль, если вы не сможете принять участие...
- Я подумаю, – Шпилер не удержался и чуть поморщился. – Очень поздно, мы все устали и выпили слишком много виски, давайте отложим разговор на завтра? Спешка сейчас неуместна.
- Прекрасно, – кивнул лорд. – Завтра так завтра. Надеюсь, все помнят, где расположены комнаты? Плохо знакомые с планировкой замка гости могут заблудиться, такое случалось...

* * *

– Они говорят как каком угодно языке, только не на английском, – пожаловалась Ева. – Джералд, что это за диалект?

Открытая пролетка накрепко застряла на углу Хаттон-Гарден и Дэйл-стрит, в полусотне ярдов впереди перевернулся огромный фургон с сеном, зацепивший бортом электрический трамвай. Движение по перекрестку не могли восстановить уже четверть часа, несмотря на усилия полиции и добровольных помощников. На тротуарах сгрудились зеваки, пускай зрелище и не было столь захватывающим, как, например, пожар или авария парового катера на реке Мерси. От толпы ощутимо тянуло ароматами чеснока, вьевшегося в одежду угольного дыма и перегоревшего дешевого джина.

Даже здесь, почти в самом центре Ливерпуля, прилично одетых джентльменов и дам было сравнительно мало, почти сплошь пролетариат в темных картузах и грубых брезентовых куртках, на фоне которых пальто и женские капоты мещан вкупе с твидовыми костюмами служащих несколько терялись.

Люди, рассевшиеся на пружинных подушках дорогого экипажа с эмблемой отеля «Мальмезон», вызывали у пролетариев плохо скрываемое чувство неприязни, словно британское общество испокон веку не было разделено на четко разграниченные и практически изолированные друг от друга сословные группы и где а priori один человек не был равен другому. Отпускали комментарии, поглядывали нагло и изредка сплевывали сквозь зубы чем-то темным, наверное кошмарным жевательным табаком.

Джералд Слоу, лорд Вулси, как и положено природному аристократу, не обращал на плебс и малейшего внимания – это ниже его достоинства. Однако на вопрос Евы ответил:

– Ирландцы, мадемуазель. Ливерпуль – один из городов королевства, где после картофельного голода 1840 года осело множество беженцев из Ирландии. Разговаривают они на смеси гэльского и примитивного английского. Своеобразный пиджин-инглиш.

– А разве гэльский язык не запрещен?

– Поверьте, полиция не станет следить за тем, на каком именно диалекте общаются простолудины. О, наконец-то фургон убрали... Опоздываем, но беспокоиться незачем, без нас судно не отправится. Это ведь не пассажирский рейс, от расписания мы не зависим.

– Надеюсь, Тимоти и Робер уже на месте.

– Поезд из Дувра должен был прибыть два часа назад...

К пролетке подошел высокорослый констебль с пронзительно рыжими бакенбардами (и здесь несомненная ирландская кровь!), внимательно оглядел седоков, осведомился о месте назначения.

– ...Александра-док? Тогда я бы посоветовал вернуться на Хаттон-Гарден, чтобы не создавать толчеи на улице и через Кингс-роуд сразу на Дерби-роуд, идущую вдоль берега реки на север, к докам. Это кратчайший маршрут. Разрешите пожелать вам доброго пути, джентльмены, и вам, уважаемая леди...

– Английский полисмен, – ничего не выражающим голосом сказал Джералд, провожая взглядом вежливого сержанта в куполообразном шлеме. – Такая же визитная карточка Британской империи, как король или Вестминстерское аббатство... Кучер, вы слышали советы констебля?

– Как будет угодно, ваша светлость!

Ливерпуль долгие столетия является одной из «морских столиц» Великобритании – столица графства Мерсисайд расположена вдоль впадающей в Ирландское море реки Мерси и узкого изогнутого залива-эстуария, а бесконечная цепь доков, пакгаузов и пристаней на правом берегу вытянулась почти на семь миль. Может быть, порты Лондона и Бристоля крупнее, да и оборот грузов там больше, но гавань Ливерпуля заслуженно считается самой протяженной. Здесь же находятся и «ворота в Америку» – большинство ирландских и английских эмигрантов отправляются в Новый Свет именно отсюда. Порт – это настоящий город в городе, со своими железными дорогами, верфями, мастерскими и огромными складами. «Крестник» концессии «Титаник» приписан к Ливерпулю, и если взглянуть левее и вперед в отдалении, можно рассмотреть четыре оранжево-черные трубы этого парохода, находящегося сейчас на стоянке у дока Трафальгар.

Коляска повернула на Сеймур-стрит, один из многих проулков, разделявших закопченные пятиэтажные пакгаузы красного кирпича. Пришлось остановиться и пропустить крошечный паровоз, тянущий по портовой узкоколейке платформы с тюками выделанных кож. Остро пахло дымом и креозотом, над устьем Мерси разносились низкие звуки корабельных сирен, жизнь в гавани бурлила.

– ...Н-да, на причал для пассажиров первого класса не слишком похоже, – улыбнулась Ева. – Никогда не отправлялась в дальнее путешествие в столь романтической обстановке... По-моему, очень мило, вы не находите, Джералд?

– Бесподобно, – фыркнул лорд. – А вот, кстати, и наш... э-э... лайнер.

Широкий северный мол Александра-дока выглядел непрезентабельно: вид на залив скрывали похожие на черные конические курганы кучи угля и сероватого песка, возвышались выглядящие ужасно древними ржавые паровые краны. У причала стояли три грязноватых парохода и архаичная парусная шхуна, наверняка построенная еще во времена принца Альберта.

– Первый в ряду, с синей трубой и такой же полосой по борту, – пояснил лорд Вулси – Посудина небольшая, однако надежная, кроме того, этот каботажник совершенно незаметен на фоне десятков других таких же – «Эвертон» используется в основном на трассе Ливер-

пуль-Дублин-Голуэй, но ходил и в Амстердам и в Ригу... Судно новое, ему всего четыре года, а у капитана наилучшие рекомендации и огромный опыт. Согласитесь, моя собственная яхта вызвала бы нездоровый интерес у людей, внимания которых нам следовало бы избегать.

Евангелина согласно кивнула – в Слоу-Деверил она видела модель и фотографии «Леди Годивы», паровой океанской яхты семьи Вулси: королевская роскошь и запоминающийся облик, не у каждого европейского монарха есть такой корабль, разве что у повелителей самых богатых и могущественных империй! Скромный «Эвертон» водоизмещением всего тысячу двести тонн – куда лучший выбор.

– Ага, наши друзья уже на борту, кажется, я вижу Тимоти и Ойгена на палубе, – Джералд, прищурившись, взгляделся в темный силуэт небольшого парохода. – Чемоданы из отеля должны были доставить утром, следовательно, можно отправляться.

Поднялись по узким сходням, навстречу вышел капитан – мистер Мак-Мёрфи, огромный медведеподобный шотландец родом с самого севера, из Килдейла. По-английски он говорил правильно, но с грубым акцентом:

– Добрый день, сэр, здравствуйте, мисс. Судовая и пассажирская роль закрыта, разрешение капитана порта получено. Багаж погружен еще вчера. Больше никого не ждем?

– Нет, – ответил Джералд. – Маршрут уточнен?

– Да, сэр. Уголь пополним в Киле после прохождения канала, затем в Данциге и Мемеле. Если не будет задержек, прибудем на место ровно через шесть суток, утром тридцатого марта.

– Отлично, мистер Мак-Мёрфи. Как скоро мы сможем выйти в море?

– Через час, сэр. Этого достаточно, чтобы раскочегарить котлы.

Капитан величественной походкой, присущей всем крупнотелым и уверенным в себе людям, отбыл на мостик, и внимание лорда переключилось на Тимоти с Ойгеном. Оба оделись «по-походному» – техасец предпочел практичный костюм сан-францисской фирмы Леви Страусса «с карманами для ножа, денег и часов» цвета выцветшей парусины, Ойген же теперь напоминал фабричного трудягу – кепи и зеленоватая куртка из хлопчатой саржи.

– Робер с доктором обустраиваются в своих каютах на верхней палубе, – оповестил Тимоти, предупреждая вопрос Джералда. – С сервисом на «Эвертоне» туго, вместо метрдотеля парнишка с камбуза, зовут Мэтью. Молодой, но сообразительный и расторопный, я с ним мигом поладил. Обедать будем в офицерской кают-компании, хотя офицеров на судне всего трое – сам капитан и два помощника. Кстати, мистер Мак-Мёрфи уступил даме свою каюту. Любезный человек, даже не скажешь, что шотландец.

– Как вижу, ты здесь успел освоиться, – усмехнулся лорд.

– Лоханка маленькая, мы с Ойгеном успели обегать ее от киля до вороньего гнезда... Заодно познакомились с экипажем – такие рожи, что за нашу судьбу в штормовом Северном море я спокоен. Конечно, в большинстве ирландцы.

– Надеюсь, душевный комфорт в среде соотечественников тебе обеспечен, – без тени иронии сказал Джералд, зная, что мистер О’Донован, будь он хоть тысячекратно сыном миллионера и нефтяного барона, способен моментально найти общий язык с пролетариатом. Сугубо американская черта, несвойственная европейцам, вышедшим из благородных семей. – В таком случае веди – ты дорогу знаешь.

О фрахте «Эвертона» лорд Вулси договаривался в конторе пароходства и там же впервые встретился с капитаном, взявшимся доставить концессионеров и солидный груз почти за две тысячи миль, в столицу Российской империи. Директор небольшой судовой компании «Айриш Си Лайн», лично принявший важного гостя и обладателя старинного титула, заверил, что пароход надежен, пускай и недостаточно удобен. Но поскольку ваша светлость изъявили желание...

Его светлость исходно предполагал, что первый этап дальнего пути следует преодолеть морем. Путешествие железной дорогой оказалось бы чересчур обременительно: несколько пересадок, вопросы с транспортировкой снаряжения, таможня и границы (включая Германию,

где Джералд и остальные были под подозрением полиции, благодаря громким похождениям в 1912 году) и прочие неудобства. Куда проще зафрахтовать пароход и более ни о чем не беспокоиться. Тем более что прямого пассажирского сообщения между портами Британии и Санкт-Петербургом не было, опять же необходима пересадка в Кёнигсберге или Риге.

Выходов два – или отправляться в дорогу на своей паровой яхте, что решительно невозможно, или арендовать каботажное судно. Выбор пал на «Эвертон», чему способствовала безупречная репутация капитана Мак-Мёрфи, мореходные качества самого корабля (при максимальной загрузке углем он мог даже пересечь Атлантику без остановки в Рейкьявике) и разумная цена фрахта вкупе с сопутствующими расходами. Добавочно – полная конфиденциальность, частные дела Джералда Слоу, лорда Вулси компанию не интересуют, наша задача предоставить нанимателю корабль и опытный экипаж.

Господин директор сразу представил лорду капитана, к удаче заглянувшему в контору пароходства. Мак-Мёрфи не задал ни единого лишнего вопроса, говорил кратко и по делу, сразу же сообщил, что Балтийское море восточнее Лифляндии ему знакомо лишь в теории, но если досточтимый сэр доверится, то контракт может быть заключен немедленно.

Джералд подумал, заново взвесил все «за» и «против» и вынул чековую книжку. После того как он, обмакнув перо в чернильницу, обозначил на чеке сумму и поставил свой автограф, судно «Эвертон» временно перешло в безраздельное владение концессии, пускай первым после Бога на борту и оставался гигантский и рыжебородый Джозеф Мак-Мёрфи.

– Думаю, стоит обговорить детали, сэр, – внушительно сказал капитан, когда они вышли из кабинета директора «Айриш Си Лайн» в приемную. – Количество пассажиров, груз, дата отправления... Не так ли, сэр?

– Вот подробные инструкции, – Джералд вынул из папки с эмблемой Адмиралтейства два листа, отпечатанных на пишущей машинке. – Ознакомьтесь. Всё прочее – мои заботы.

– Если возникнут вопросы, я вам телеграфирую, сэр, – коротко ответил Мак-Мёрфи, развернулся и зашагал прочь. Стоическая невозмутимость и ледяное спокойствие. На таких людях и держится Британия.

...Как и предполагалось, после исторического совещания в Слоу-Деверил Робер де Монброн незамедлительно уехал в Париж – улаживать маменьку, хитрить и искать себе замену на ответственном посту. Печальный доктор Шпилер шатался по замку, скучал и предавался традиционной германской меланхолии, только из вежливости не отказывая Евангелине от приглашений погулять в парке или сыграть в крокет.

Лорд, понимая, что единственными деятельными людьми в его окружении остались Тимоти с мистером Реннером, мобилизовал их обоих и отправил в Лондон – покупать необходимые и самые лучшие инструменты и снаряжение, каковые затем следовало переправить в Ливерпуль. Кутерьма началась преизрядная.

Доктор принял решение в последний момент – нынешним утром, когда надо было поехать на вокзал и встретить прибывающего из Дувра Монброна. Вместо того чтобы отправить приготовленный багаж в порт, к рейсу уходящей в полдень «Лузитании» (билеты уже были куплены!), Шпилер поймал Тимоти за рукав и попросил обождать: в поездку они поедут вместе. Распоряжения относительно вещей были тотчас отданы служащим отеля «Мальмезон».

Тим лишь плечами пожал. Отлично, доктор, кэб ждет.

...Концессионеры собрались на носовой палубе «Эвертона» – никто не желал упустить волнующий момент. Канаты сброшены с чугунных швартовых тумб, из единственной трубы парохода валит масляно-черный дым, прорежаемый тонкими струями белесого пара, выбивающегося из бронзовых отводов предохранительных клапанов, поручни чуть подрагивают.

«Эвертон» тяжеломерно и медлительно отошел от причала, миновал косой канал между молами, ограждающими Александра-док, капитан взял лево на борт, перевел рукоять судового

телеграфа в положение «средний ход», и черный с лазурной полосой на борту корабль уверенно двинулся к северу, выходя из Ливерпульского эстуария в открытое море.

– Мы все сумасшедшие, – громко сказал Тимоти. – Куда едем? Зачем?.. Да и плевать! Главное – едем!

– Делай, что должно, и будь, что будет, – эхом отозвался Робер, припомнив девиз средневековых французских рыцарей. – Впрочем, я совершенно не уверен, что мы делаем, что должно, но точно знаю другое: мы снова влипли! И все из-за тебя, Джерри!

Спокойные воды залива после пересечения границы ливерпульской банки заместились морскими волнами, задул неприятный западный ветер, несущий редкие снежинки – последние знаки ушедшей зимы. Справа по ходу судна была различима полоска холмистого берега Мерсисайда.

Грядущей ночью «Эвертон» обогнет северную оконечность Британии и возьмет курс на юго-восток, в сторону берегов Датского королевства и Германской империи. Первая цель – Кильский канал.

– Пойдемте пить чай, – просто сказал Джералд. – Холодно. И пожалуйста, забудьте о пораженческих настроениях! После весны на Рейне два года тому, вам всем должно быть стыдно за подобные слова!

Глава вторая Его сиятельство

Териоки – Санкт-Петербург,

29–31 марта 1914 года

– ...Ох, барин, беда одна с вами, – привычно вздохнул камердинер его сиятельства. Привычка графа засыпать с пьяных глаз где угодно, но только не в постели, Прохору была давно и хорошо известна, однако нынешним утром вернувшийся перед самым рассветом Алексей Григорьевич изволил расположиться прямоком в холодных сенях: завернулся в шубу, кулак под голову и ну храпеть на весь дом. До кабинета, где имелся диван, а уж тем более до спальни в глубине дачи, граф попросту не дошел. Не смог.

Хорошо, домом не промахнулся, а то случилось бы, как в прошлый раз, когда барин громко вломился на дачу адвоката Милютина, насмерть перепугав его нервическую супругу. Пришлось затем отослать корзину с цветами и извинения, ибо Милютин грозил мировым судом.

Бывало в прежние времена граф Алексей Григорьевич кутил с византийским размахом, легенды о его похождениях ходили по обеим столицам, но беспросветному пьянству, как нынче, все-таки не предавался – знал меру. Рассудительный Прохор обоснованно подозревал, что виновны в этом новые приятели барина, публика сомнительная, праздная и распущенная, рядом с которой молодые гвардейские офицеры (этих Прохор насмотрелся в достатке) покажутся едва ли не соловецкими монахами-схимниками.

Теперешних друзей его сиятельства камердинер открыто не одобрял, высказывал свои мысли прямо и без обиняков, получая в ответ от графа беззлобное и ленивое «Молчи, дурак, не твоим разумом судить!». Камердинер в свою очередь начинал ворчать, что раз уж его сиятельство скучают, хорошо бы в Крым поехать, а еще лучше за границу – все больше пользы, чем от каждодневного бражничанья с этими шутами гороховыми, незнамо отчего считающих себя литераторами. Футуристы-символисты – чего только не выдумают, прости господи!..

Надо сразу сказать, что Прохор Вершков был грамотен (как выражался барин – даже слишком грамотен, шельма!), поскольку воспитывался в господском доме, а его родная бабушка, Зинаида Никифоровна, состояла в нянях батюшки Алексея Григорьевича еще до Манифеста 1857 года, да так и осталась при тверском имении графа до самой смерти. Прошку же приставили к юному наследнику рода перед отправлением последнего в Петербург, в Пажеский Его Императорского величества корпус, и вот уж на протяжении неполных семнадцати лет он неотлучно находился при его сиятельстве в роли денщика, камердинера, секретаря и верного оруженосца.

– Вот что с ним теперь?... – повторил Прохор, мрачно созерцая барина, широко развалившегося на дощатом полу клетки, разделявшей открытую веранду и комнаты. В прохладном воздухе густо пахло винными парами. – Да и ладно, если под Мукденом не замерзли, то здесь и подавно ничего не делается!

Конечно, можно попробовать перетащить его сиятельство в кабинет, но во-первых, Алексей Григорьевич спросонья по обыкновению начнет бузить, не понимая, где находится, и не узнавая Прохора, а во-вторых, горб не казенный: одно дело, если б заболел, и совсем другое – неумеренное винопийство.

Камердинер мысленно сплюнул, на всякий случай оставил дверь в сени приоткрытой и отправился на кухню: утро, скоро должна прийти стряпуха, чухонка Анна-Пяйви, живущая совсем неподалеку, в Кэкосенпяа – лицом она, может, и не писаная красавица, но готовит знатно, особенно рулет с грибами и холодный суп, донельзя уважаемый барином с тяжкого похмелья. Заодно надо прикинуть, каких припасов купить сегодня на рынке, все-таки воскресенье, а базар в Териоках богатый, не хуже чем в столице.

Дача, на которой обитал граф Барков, принадлежала надворной советнице фон Гаген, вдове, получавшей с нескольких домов в лучшем курортном поселке Выборгской губернии немалую ренту. В разгар теплого сезона на побережье Финского залива не протолкнуться от дачников, но зимой тут постоянно живут разве что отставные чиновники, которым доктора прописали свежий воздух и полный покой, жаждавшая поэтических пейзажей богема да законченные мизантропы – таковую роль и пытался играть изнывавший от тоски Алексей Григорьевич, прозванный вышеназванной богемой «Черным Рыцарем» за весьма необычную внешность, загадочно-мрачный характер и крутой нрав.

Вряд ли кто-нибудь, кроме Прохора, догадывался, что меланхолия графа наигранна и очередное увлечение его сиятельства носит преходящий характер, но впечатлительные поэтессы восхищались, а их коллеги мужского пола в промежутки между кутежами пытались описать «образ» таковыми строками:

...Была как ночь броня моя черна,
И на щите, где розы были у других,
Я лишь шипы изображал без них!

Барков втихомолку посмеивался, но мистифицировать поэтов не прекращал. Это его развлекало. Дурить головы стихоплетам он полагал забавным – ничуть не худшее, а даже более безобидное развлечение, чем к примеру игра на скачках или в вист. Камердинеру затянувшаяся дачная эпопея давно опостылела, но против хозяйской воли не попрешь. Вот если бы снова за границу... Путешествовать Прохору нравилось.

Объявилась Анна-Пяйви, длинная как жердь неразговорчивая сорокалетняя финка – постучала в дверь черного хода, со стороны кухни. Сразу получила от внимательного Прохора «синенькую», жалованье за неделю, что для Финляндского княжества было весьма прилично. Осведомилась, что хозяин пожелает сегодня.

– Барин нездоров, – сообщил Прохор, зыркнув в сторону веранды. – Я сейчас на базар, если проснется – дай рассолу, а потом чаю горячего. Вот тебе пятиалтынный за лишние труды... Приду через два часа. Все поняла?

Серебряшка перекочевала в широкую красную ладонь Анны-Пяйви – кухарка, может, и нелюдима, но дело свое знает и к слабостям барина относится с пониманием. Всяко поможет при случае.

Вернулся Прохор после полудня, с полной корзиной снеди и полудесятком бумажных пакетов. Снял калоши, выложил покупки на кухонный стол и не расстегивая пальто быстро зашагал в столовую – отсутствие чухонки возле плиты с кипящими кастрюлями говорило только об одном: его сиятельство пробудились и требуют внимания к своей особе.

Особа, в расстегнутой на горле рубашке и черных бриджах на подтяжках, отыскалась, где и положено – возле круглого стола, укрытого чуть пожелтевшей скатертью с незамысловатыми кружавчиками по краям и не слишком аккуратно выведенными винными пятнами. На столе громоздился исходящий паром артельный серебряный самовар.

– ...Прохор, ну хоть ты скажи ей! – выглядевший больным и несчастным Алексей Григорьевич ткнул перстом в сложившую руки на животе невозмутимую Анну-Пяйви. – Знал бы где, сам бы взял! У этой ракалии разве допросишься?

– Ты иди, иди, – камердинер вежливо подтолкнул чухонку в сторону кухни. – Я сам.

Дело житейское, весь шум из-за рюмки водки. Анне-Пяйви даны строжайшие инструкции – хозяин пускай хоть револьвером грозит, не давать и точка! Делать вид, будто ничего не понимаешь. За первой рюмкой немедля последует вторая, потом еще, к пяти вечера барин соберется в гости к поэту Мережковскому и дело пойдет по накатанной колее – сегодня добрел до сеней, а завтра в сугробе уснет? Благодарствуйте.

Проход уметь настоять на своем – мягко, но решительно. Да и граф физически не мог противиться, слишком было дурно, начинало трясти. Разумеется, водки он не получил, пирамидону тоже – вполне хватило народных средств. Поначалу едва ли не полный самовар чаю с лимоном вприкуску, затем мясной бульон с толченым картофелем и обжаренным луком, незачем сейчас тяжелить желудок грубой пищей.

– ...Стыд какой, а? – вздыхал Алексей Григорьевич, к которому начала возвращаться память. В отличие от многих, в состоянии трезвом он в точности осознал с кем, при каких обстоятельствах и где именно проводил минувший вечер, вспоминая любые детали, пусть даже и не самые приятственные. – Жуткий реприманд, брат Проход, хоть стреляйся... И ведь не Кобызевский приют на Лиговке, с блядами-с, приличный дом, воспитанные люди!

– Воспитанные? – эхом повторил камердинер. Тихо произнесенное слово звучало на грани насмешки.

– Да ну тебя, болван!.. Ну вот представь, этот свинтус Бальмонт – всегда его терпеть не мог! – начал дерзить Случевскому; да ты видел этого Бальмонта: самовлюбленный прилизанный красавчик с бесовской хитрецей и такой внутренней злобой, что любой каторжник-висельник от зависти помрет!

– Видели-с, – подтвердил Проход. – Господин поэт в феврале к нам чай приходили пить. Всю гостевую комнату потом изрыгали.

– Ты слушай, слушай... У них со Случевским до кулаков дошло, в драку полез. Ну мы разнимать, и Зинка зачем-то полезла!

– Зинаида Николаевна? – не без ядовитости уточнил Проход, хозяйку «литературных пятниц» Зинаиду Гиппиус не любивший отдельно. – Как ее чахотка?

– Да плевать на чахотку! Пока растаскивали, я Зинаиде локтем в бровь заехал! Клянусь же, нелепая случайность!.. Теперь синяк... И так-то не бог весть какая Минерва с Афродитой, а теперь и вовсе в обществе месяц не покажешься, на пол-лица расплылось. Примочки, уксусные, конечно... Я Бальмонта на дуэль вызвал, *l'ivresse et la debauché indécente*! Тьфу, засранцы!

Ага, барин разговорился, порозовел, значит, лечение пошло впрок. На слова о дуэли Проход внимания не обратил – первый раз, что ли? – да и выходить против графа Баркова, что с пистолетом, что с рапирой смысла нет никакого, верная смерть.

– Вас же, Алексей Григорьевич, с пятницы дома не было, – заметил Проход. – Тут почта пришла.

– Что там? – недовольно отозвался граф, последние годы отдававший бумажные дела на откуп камердинеру. Невелик труд – просмотреть счета, а личные письма от немногих и редких корреспондентов потом вручить барину.

– От управляющего из Твери, – Проход по очереди откладывал распечатанные конверты. – Дела привычные, ответил сам. Маменька ваша написала, в мае собираются в Люцерн. Уж потрудитесь, собственной рукой ей репронд дайте. Вот еще заграничная телеграмма, как раз пятничным вечером пришла. Немецкую или французскую я, глядишь, разобрал бы, а тут непонятно написано. Отправлено из Мемеля.

– Дай сюда... – граф протянул руку. – Конечно, на английском... ЧТО? Проход, число сегодня какое?

– Одиннадцатого дня апреля, воскресенье.

– То-то и оно! А по-грегориански двадцать девятое марта выходит?

– Так и выходит, Алексей Григорыч.

– Чер-рт, – раскатисто рыкнул граф. – Каналья! Забыл, ты представь! Когда последний поезд на Петербург? Собраться успеешь?

– Успеем, как не успеть. Сейчас три четверти второго, поезд в восемь пополудни. Как собраться-то? Полный гардероб?

– Походно, полностью! Мы съезжаем с дачи! Спешно!..

– Съезжаем? – ошарашенно выдавил Прохор, не смея поверить своему счастью. – А Питер? На квартиру?

– Да, на квартиру! Прохор, ну что ты будто дитя малое! Беги к квартальному надзирателю, отдашь ключи от дома. Чухонку... Как её?.. Рассчитай. Дай империял золотом, премию – кормила вкусно, не отнимешь. От квартального на станцию телеграфируй домой, консьержу. Пусть к ночи всё подготовят, камин растопят, не въезжать же в холодный дом?.. И ужин заказать! Только скромно, без гусарства! Завтра вставать чуть свет!

– Да как все подряд успеть-то? – озадачился камердинер. – Тут и Геркулес с его конюшнями не сумеет!

– Не его, а Авгия, балда! Бегом, сказано! Чемоданы и без тебя соберу, не белоручка! Давай, Прошка, друг любезный, поспеши. Христом-Богом, а?

– Как скажете, ваше сиятельство. Цветы в станционном киоске для мадам Гиппиус купить прикажете? Неприлично же...

– Да покупай, покупай! Хоть на миллион! Съезжаем, ты подумай! И дело вроде серьезное! Хватит безобразий, опостылело!.. Поэты, мать их! Чего стоишь столбом?

Прохор молча развернулся и начал методично исполнять распоряжения барина, первым делом огорчив старательную Анну-Пяйви извещением, что ее услуги впредь не потребуются, одномоментно компенсировав расстройство кухарки тремя новенькими золотыми пятирублевиками с профилем государя. Сказал обязательно прибрать на кухне, печь загасить, а все продукты, что имеются, взять себе домой – у Анны-Пяйви четверо детишек, лишним не будет.

– И дожись, пока с вокзала не вернусь, – втолковывал Прохор чухонке. – Барин что попросит – принеси. Помоги вещи ему укладывать, женская рука в таком деле полегче будет. Поняла? Найдешь извозчика, пускай вещи на станцию отвезет, в багажное отделение...

Анна-Пяйви бесстрастно кивнула.

...Без пяти восемь вечера с вокзала Териоки тронулся состав о шести вагонах, шедший от Выборга на Финляндский вокзал Санкт-Петербурга. Вагон первого класса пустовал, единственными пассажирами, севшими на промежуточной станции, были прихрамывающий уса-тый господин с черной повязкой на глазу и простецкого вида парень в пальто, круглой каракулевой шапке и с саквояжем в руках.

* * *

– ...Система укреплений внушительная, – Джералд поднял к глазам бинокляр фирмы Карла Цейса. – «Бюллетень Адмиралтейства» недавно публиковал обширную статью о при-крывающих Петербург фортах, с моря город практически неприступен – любой неприятель-ский флот будет уничтожен береговыми батареями.

– А на острове слева – крепость и небольшой город? – заинтересовался Робер. – Видите синий купол? Собор?

– Это Кронштадт, база русского флота на Балтийском море. Возьми бинокль и посмотри – в гавани множество военных кораблей. Контроль над створом морского фарватера столицы полный, но если начнется война с Германией, флот окажется заперт в Балтике – Кильский канал и датские проливы перекроют, русские не сумеют прорваться на соединение с нашим Гранд-Флитом...

«Эвертон» принял на борт лоцмана сорок минут назад и малым ходом двигался по Маркизовой луже между островом Котлин и южным берегом губы в сторону Петербурга. Давно рассвело, утренний весенний туман унесло теплым южным ветром. Капитан рассчитывал причалить в коммерческом порту незадолго до полудня.

– Пора переводить часы, – заметил Монброн, извлекая из кармана золотой хронометр с монограммой императора Наполеона III. – У нас на судне время по Гринвичу, здесь же на три часа больше.

– Не только время, но и даты другие, – сказала Евангелина. – Юлианский календарь, ужасная архаика.

– Зато лето наступит быстрее...

Поход «Эвертона» завершился. Как и предполагал капитан Мак-Мёрфи, уложились в шесть суток, даже с учетом задержки у перегруженного Северо-Остзейского канала и последующей стоянки в Киле. Примечательным это путешествие никак не назовешь – у берегов Дании попали в пятибалльный шторм, продолжавшийся несколько часов, но и только. Заход в Данциг не потребовался, угля хватило до самого Мемеля, где пароход остановился всего на четыре часа.

Далее плавание проходило безмятежно – вдоль берегов русской Прибалтики, оставляя за кормой порты Виндавы, Риги и Ревеля. Пассажиры «Эвертона» начали скучать, но сегодняшним утром за завтраком капитан объявил, что потерпеть осталось совсем недолго – вскоре на горизонте должен показаться Кронштадт и сразу за ним Санкт-Петербург, конечная точка маршрута.

– Давайте подумаем, что будем делать, если друг мадемуазель Чорваш нас не встретит. Номера в отеле забронированы, по завершении таможенных формальностей багаж отправят на этот же адрес... – Джералд повернулся к концессионерам. – Ева, вы ведь говорите по-русски?

– Немного. Но я уверена, что таможенники и портовые служащие знают по меньшей мере французский, а представители высшего света и подавно полагают его вторым родным. Господа, незачем беспокоиться – я бывала прежде в Петербурге, город мало чем отличается от других столиц Европы, Вены или Рима.

– Я тоже ездил в Россию три с лишним года назад, – поддержал Еву Монброн. – Железнодорожная компания брала крупный кредит в нашем банке... Ничего страшного, за исключением неслыханной бюрократии и местного гостеприимства: я две недели мучился несварением после всех обедов и приемов... Но я тогда останавливался в Москве и Киеве, ехал поездом через Варшаву. В Петербург, к сожалению, заглянуть не удалось.

– Пользуйся возможностью. Если получится уладить дела сравнительно быстро, мы проведем в столице неделю или десять дней.

Лоцман направил «Эвертон» не к Коммерческой гавани Васильевского острова, а к левобережью Невы, Гутуевскому острову и Таможенной набережной, где швартовались не только ходящие по расписанию суда, связывающие Петербург с княжеством Финляндским, Германией и балтийскими губерниями, но и заграничные гости, выполнявшие челночные рейсы, – торговцы со специально заказанным товаром, корабли небольших каботажных компаний да частные пароходы и яхты под вымпелами иных держав.

С Ливерпулем, конечно, не сравнишь – куда меньше толчеи, грохота и деловитой суматохи огромного порта, где работа не останавливается днем и ночью. Российская империя все-таки «сухопутное» государство, в отличие от Британии, существование которой без моря и морской торговли непредставимо и невозможно.

Больше часа ждали пограничных чиновников. Старший, представительный располневший господин в невысоком чине титулярного советника оказался любезен и предупредителен, хорошо знал английский и произвел самое положительное впечатление. Штампы в паспортах проставлены (Евангелина предъявила болгарский, с фальшивым именем – в противном случае

о прибытии в Россию звезды первой величины газетчики узнали бы уже к вечеру и тогда прощай конспирация), пошлины за груз уплачены и таможенник в черной шинели, вежливо взяв под козырек, пожелал гостям и «его светлости графу Вулси» приятного времяпровождения в Петербурге.

Робер полез было в карман за бумажником, но передумал – вдруг обидится? Нехорошо начинать пребывание в чужой стране со скандала.

– И что делать дальше? – осведомился Тимоти. – В Нью-Йорке или Бостоне все просто: сходишь на берег, на тебя сразу налетит десяток кэбменов, выбираешь какой понравится и поехали... А тут? Я осмотрел пристань, ни одной повозки! Надо искать за территорией порта? Или как? Ева, Робер, вы здесь бывали, должны знать обычаи страны!

– Мы разве торопимся? – пожал плечами Монброн. – Я еще должен собрать чемодан... Доктор, помогите?

– Разумеется... И я полагаю, что в здании портового управления отыщется телеграф или контора, предоставляющая услуги прибывшим пассажирам. Логично?

Поход в контору не потребовался – спустя несколько минут по сходням «Эвертона» поднялись двое незнакомцев и потребовали у вахтенного матроса сообщить о своем прибытии мадемуазель Чорваш. Имя единственной особы дамского пола, находящейся на борту, матрос-ирландец не знал, но сразу понял, о ком идет речь, и доложил второму помощнику, какой и проводил визитеров на верхнюю палубу.

Сразу видно – туземцы: верховодил высокий, темноволосый с редкой проседью господин, похожий на разбойника из приключенческого романа. Прихрамывает, левый глаз перевязан черной шелковой лентой, на виске и скуле виден светлый косой шрам. Пышные усы, взгляд единственного серо-стального ока холодный и лениво-оценивающий, лицо узкое с высоким лбом и намечающимися залысинами. Опирается на трость железного дерева, заметна военная выправка. Одет, однако, статским манером – на улице пускай и тепло, не меньше пятидесяти по Фаренгейту, но усатый предпочел роскошную шубу бобрового меха, под которой скрывался мышасто-серый костюм в темную полоску с серебристым галстуком.

Если одноглазому можно дать на вид тридцать три или тридцать пять лет, то его сопровождающий выглядел несколько моложе и проще: застегнутое на все пуговицы пальто, каракулевая шапка пирожком, гладко выбрит. Физиономия добродушная и располагающая к себе, если улыбается, то видно, что два зуба справа и сверху выбиты. И уж конечно это несомненный простолюдин – совсем иная манера держаться.

Еву застали в кают-компании, мадемуазель и лорд Вулси пили чай, пока остальные собирались. Джералд слегка оторопел, увидев вопиющее нарушение этикета – гость расцеловал поднявшуюся навстречу Евангелину «в уста» и лишь затем начались взаимные представления. Как раз объявились Робер, доктор и Тимоти с Ойгеном.

– Граф Алексей Барков, мой старинный приятель, – отрекомендовала порозовевшая Евангелина. – Надежный друг, во многом незаурядный и благороднейший человек... Прошу знакомиться, господа, – его светлость Джералд Слоу, лорд Вулси...

– Как же, наслышан, – кивнул Барков, демонстрируя безупречный французский. – Но не о вас лично, милорд, а о вашем батюшке, сэре Артуре – он ведь по ведомству иностранных дел служил? Я состоял в делегации военного министерства России в Лондоне, встречались – еще в царствование короля Эдуарда... Весьма, весьма рад. Добро пожаловать.

То, что остальные члены концессии к аристократическому сословию не относились (разве что Монброн – приставку «де» к фамилии его отец получил жалованной грамотой Наполеона III за заслуги перед Францией на коммерческом поприще), на графа Баркова никакого впечатления не произвело – он был одинаково любезен со всеми. Чуть смущенного Прохора назвал своим секретарем и сообщил, что Прохор Ильич человек во многом незаменимый.

– Покорнейше прошу простить, – низко гудел граф, – принять у себя не смогу. Я в Петербурге живу на квартире, стесненно.

– Это вовсе не обязательно, – ответила Ева. – Алексей, у нас заказаны номера в гостинице, но мы не знаем, как туда попасть.

– Да-да, вот, – отвечавший за бытовые трудности Монброн протянул телеграмму с подтверждением брони. – Отель называется «Виктория», на улице... Сложно прочитать русское название. Kaz... Kazans...

– Ах, на Казанской, двадцать девятый дом, – мгновенно разобрал Барков. – Это недалеко, почти самый центр города, ближе к Коломне. Очень хорошая гостиница, с традициями. И куда дешевле, чем «Европейская» или новооткрытая «Астория». Великие князья останавливаются. По Бедкеру выбирали? Недурственно... Затруднения с багажом? Вот как? Прохор!

– Что, Алексей Григорьич?

– Господин Робер тебе расскажет как поступить с вещами, займешься... Груз из трюмов по таможенной квитанции переправишь на Николаевский вокзал. И смотри, чтоб наши молодцы не растащили чего по дороге! Головой отвечаешь!

Дела с Монброном Прохор сладил быстро – по-французски камердинер говорил пускай и с кошмарным тверским прононсом, но уж точно не хуже, чем барин. Одиннадцать чемоданов в отель, ящики по назначению, на железнодорожные склады.

– Извозчики ждут, – сообщил Барков. – Нарочно взял три пролетки, гильдейские, а не лихачи. Едемте, господа?

– Конечно, – согласился Джералд, машинально взглянув на часы. – Скоро три пополудни, а еще надо устроиться, распаковаться. Сегодня будем отдыхать.

– Полиция, – напомнил Монброн. – Таможенник сказал, что паспорта надо зарегистрировать в полицейском участке.

– Чепуха какая, – поморщившись, отмахнулся Барков. – Этим займутся служащие гостиницы, управление Казанской части в двух шагах...

– Ну что ж, спасибо надежному «Эвертону», – лорд Вулси неожиданно охнул. – Робер, я запомню – отнеси этот конверт капитану Мак-Мёрфи, дополнительное вознаграждение команде...

* * *

Следующим днем – ясным, солнечным и теплым – Джералд с Евангелиной отправили прочих концессионеров осматривать «достопримечательности», а сами поехали с деловым визитом на Петербургскую сторону, где находилась штаб-квартира его сиятельства графа. Предстоял серьезный разговор.

Извозчик, кликнутый швейцаром «Виктории», заметил, что седоки – иностранцы, и нарочно повез неторопливо, вывернув с Казанской на Невский проспект и далее к набережной и бело-желтому зданию морского министерства с высоким шпилем.

– Дворец – официальная резиденция императора, – просвещала Ева лорда Вулси, указывая на темно-красную громаду Зимнего. – Штандарта над главным фасадом не видно, значит, двор уже переехал за город... На противоположном берегу крепость Санкт-Петербург,² нам как раз туда, через мост.

– В крепость? – вздернул бровь Джералд.

– Нет-нет, пока мы ничего не успели натворить и в тюрьму нам рано; это сооружение в России выполняет роль Бастилии, там же стоит часть городского гарнизона. На северном берегу реки построены новые, современные кварталы, отличающиеся от старого центра.

² Официальное название Петропавловской крепости до 1917 года.

– Слово «старый» к этому городу неприменимо, ему чуть больше двухсот лет, если не ошибаюсь. Бесспорно, Петербург весьма красив, но с Лондоном все-таки не сравнишь – мы недавно праздновали тысячу восемьсот семьдесят лет с момента основания при Цезаре Клавдии.

– Не придирайтесь, милорд, – император Петр, перенесший сюда столицу из Москвы, создал истинный шедевр: регулярная застройка, широкие улицы, никакой тесноты или кривых узких улочек, которых предостаточно в более древних городах. Луи Бонапарт, приказавший снести парижские трущобы и проложивший бульвары по лучевой схеме, частично использовал опыт строительства Петербурга – как наиболее прогрессивный на те времена. Вы заметили, насколько чист воздух в городе, в отличие от The Great Smog?³ Крупные фабрики находятся в предместьях, множество парков...

– Справедливо, атмосфера здесь здоровая.

Коляска проехала по Троицкому мосту, сразу за которым начинался Каменноостровский проспект. Алексей Григорьевич обитал в новом, построенном всего год назад доме Бенуа под номером 26 – огромном шестиэтажном здании, занимавшем целый квартал и оборудованном по последнему слову европейской и американской техники. Позволить снять здесь квартиру могли только очень обеспеченные петербуржцы, но за свои деньги они получали любые услуги – телефон, электрические элеваторы, своя прачечная и даже гаражи для частных авто.

Ева, кстати, сразу заметила, что автомобилей в Петербурге меньше, чем в Европе, зато встречаются не только немецкие и английские машины, но и производимые в Риге «Руссо-Балты» конструкции инженера Жюльена Поттера.

Коляска остановилась в парадном дворе-курдонёре дома. Плохо разбиравшийся в русских деньгах Джералд поручил расплатиться с извозчиком Евангелине (британские фунты поменяли на местные ассигнации и серебро еще вчера, в гостинице). Поднялись на второй этаж, позвонили в квартиру. Открыл, как и ожидалось, Прохор.

– ...Вы сразу в столовую проходите, – сказал камердинер. – Стол накрыт, с самого утра ждем, ваше сиятельство...

– Стол? – не понял лорд Вулси. – Ева, простите, но разве сейчас время обеда?

– Привыкайте к местным обычаям, Джералд. Вести беседу полагается непременно за трапезой, и вы обидите графа, если пренебрежете его гостеприимством. Забудьте о расписании, это Россия...

Барков предполагал, что устраивать киприаново пиршество будет не совсем уместно и ограничился тем, что с большой натяжкой можно было назвать «легким ланчем» – красная рыба, икра, фазанчик, пироги и батарея бутылок с наилучшими крымскими винами. Хватило бы накормить целый драгунский платунг после дневного перехода. Джералд тихонько вздохнул.

...Ева еще в Слоу-Деверил высказала уверенность, что старый знакомец не откажет в просьбе и наверняка примет живейшее участие в предстоящих разысканиях. Во-первых, Барков человек увлекающийся, а по увольнению со службы граф потерял свое место в мире и первой целью ставит избавление от всепоглощающей скуки. Во-вторых, у него есть «способности», вполне сопоставимые с необычным даром самой Евангелины – это значит, что Алексея Григорьевича можно посвятить в тайны концессии, он поймет и не станет смеяться. И в-третьих, он попросту не сможет отказать даме, посчитает это неприличным и оскорбительным.

Каковы были «способности» Баркова, Ева объяснила довольно смутно – она и сама плохо понимала истоки собственных талантов. Граф тоже мог замечать «невидимое», владел даром убеждения и никталопией – абсолютным зрением в темноте. Умел сразу утихомирить раздраженную лошадь или злую собаку, остро чувствовал изменения погоды и обладал феноменаль-

³ Одно из сленговых названий Лондона.

ным чутьем на опасность, благодаря которому чудом остался жив во время войны с Японией десять лет назад, попав в кошмарную переделку, из которой живым не вышел никто, кроме самого Баркова, отделавшегося потерей глаза и ранением в ногу.

Существует и более насущное преимущество: граф, как отпрыск старинной и влиятельной фамилии, вхож к нужным людям и обладает широкими связями, что может снять большую часть затруднений с легальностью концессии в Российской империи. Если, как предлагал законопослушный Монброн, действовать строго в рамках правил, бумажная волокита может затянуться на долгие недели, что совершенно недопустимо, особенно в размышлении о возможном появлении конкурентов – этого Джералд опасался больше всего...

В письме, отправленном Баркову из Англии Ева намекнула, что предстоящий визит напрямую связан с «взаимоинтересующими вопросами», обсуждавшимися во время прежних randevu в Вене, Будапеште и Петербурге – а именно, об их «даре», встречавшемся чрезвычайно редко. Вспыхнувший у графа интерес был незамедлительно подтвержден – он сразу заметил тихого Ойгена и понял, что его сила значительно превосходит все виденное доселе. Теперь оставалось выяснить, как господин Реннер оказался в компании Евангелины и британского дворянина, не говоря уже о прочих: банкире и джентльменах из САСШ, один из которых говорил с выраженным немецким акцентом.

– ...Я право не знаю с чего начать, – развел руками Джералд. – История длинная и довольно запутанная, во многом невероятная. Но поверьте – мадемуазель Чорваш тому свидетель, я не фантазирую и не преувеличиваю. Как бы вы не относились к явлениям, обычно называемым «мистическими», все что я скажу, чистейшая правда.

– Сэр, жизнь научила меня воспринимать со всей серьезностью даже самые невероятные истории, а к тому, что привычно называется «мистикой», стоит приглядываться с особенной внимательностью. Ученые разъяснили, как появляются молнии или отчего поднимается вода во время прилива, но как понять, допустим... Прохор, окажи любезность, принеси из кабинета алебастровую статуэтку. Ту самую.

Камердинер поджал губы, выражая недовольство, – этого увлечения барина он не одобрял еще больше, чем поэтов, – но молча развернулся и ушел. Вернулся спустя минуту.

– Купил в Бухарском ханстве, на рынке Чарджуя. По случаю. С виду ничего особенного – работа, судя по всему, индийская...

Барков утвердил на столе небольшую фигурку женщины в сари, высотой от силы три дюйма. Ева нахмурилась, сразу почувствовала, что от скульптуры короткими импульсами исходит непонятная холодная сила, вызвавшая ассоциации с голубоватым пламенем газового фонаря.

– Разбудить эту красотку я не могу, да и желания не испытываю, – сказал граф. – Мало ли, чревато... Но кое-что занятное показать возможно. Смотрите внимательно.

Джералду почудилось, что с пальцев Баркова соскользнул бледный огонек, будто на мгновение вспыхнула фосфорная спичка. Появился запах озона и в столовой стало прохладнее – такие неприятно знакомые явления всегда сопровождали безобразия, учиняемые духом Фафнира после обнаружения рейнского клада. Над столом распустился призрачный синий венок, в центре его появилось странное лицо: почти нечеловеческое, вытянутое, с узкими монгольскими глазами. Раздался громкий шепот – Нечто говорило на древнем, жутковатом языке с угрожающими интонациями.

Вскоре видение исчезло.

– Как хочешь, так и понимай, что это за диво дивное, – Барков отодвинул статуэтку подальше. – Но выглядит довольно зловеще, как некое предупреждение. Уж и в университет вещицу носил, к профессору Бонгарду... Толку никакого.

– На мой взгляд, это был ведический санскрит, – поразмыслив, сказал лорд Вулси. – Но смысла фразы я не уловил. И много у вас таких... кхм... уникумов?

– Десятка три, один другого чуднее. Отчего совсем не кушаете, милорд? Прохор, «Массандру» открой... Вы, ваша светлость, тоже увлекаетесь редкостями? Не уверен, что смогу дать совет – я сущий профан, коллекционирую лишь из интереса.

– Дело обстоит несколько иначе, – сказала Евангелина. – Видите ли, Алексей, наши затруднения выходят за рамки скромных загадок наподобие этой фигурки. Его светлость не знает с чего начать? Прекрасно, извольте выслушать предысторию. Вы знакомы с «Песней о Нибелунгах»?

– Отчасти. Древняя литература пускай и входила в курс, но я человек военный, больше тактикой да картографией интересовался. Огнедышащий дракон, герой Зигфрид, несметные сокровища – верно?

– Мы нашли эти сокровища, – произнес Джералд. – Я, вместе с компаньонами. Мадемуазель Чорваш присоединилась к нам отчасти случайно, отчасти... Волею providения, если угодно. В подобных историях случайностей никогда не бывает. Я в них не верю.

– Клад Нибелунгов? – Барков поставил бокал на стол и подался вперед. – Неужто не сказка?

– Некоторые сказки значительно реальнее и правдивее, чем принято считать, – хмуро ответил лорд. – Я запомнил, как вы вчера смотрели на мистера Реннера, полагаю это закономерный интерес?

– Ничуть. Юноша меня заинтриговал – в нем ощущается немалый талант, Ева это наверняка подтвердит.

– Вы очень удивитесь, если я скажу, что Реннер в действительности является Хранителем Клада? Хагеном из Тронье, мажордомом Бургундской династии?

– Сударь, давайте начнем с самого начала, – граф откинулся на спинку стула. – Не верить вам и Евангелине я не вижу оснований, однако с каждым словом запутываюсь все больше. Клад – это прекрасно, но люди не живут по тысяче лет! Хаген?

– Да, Хаген, – подтвердил Джералд. – Собственно, началом послужило невинное юношеское увлечение, забава, которая впоследствии обернулась трагедией. Именно поэтому я... Мы хотели бы просить вас о всей возможной помощи. Это очень, очень серьезно.

– Пока я не знаю, в чем суть затруднений и каковы ваши цели. Больше того, не вижу взаимосвязи между древнегерманской легендой и визитом вашей светлости в Россию. От Питера до Рейна – расстояние порядочное. Рассказывайте подробно, я привык относиться к легендам с надлежащим пиететом. Иногда выглядящие нелепыми слова значат куда больше, чем кажется.

* * *

Граф напрасно скромничал, упоминая о недостатках своего образования. Курс Пажеского корпуса безусловно отличался от обычного университетского, незачем сравнивать философский или исторический факультеты статского учебного заведения с высшей офицерской школой, но качество и объем классических знаний, получаемых камер-пажами ничуть не уступали уровню выпускников Сорбонны, Оксфорда или Болоньи – в корпусе воспитывалась элита империи, будущие генералы, министры и губернаторы, а так же наследники августейших фамилий дружественных держав. Статус требовал самой блестящей подготовки, а преподаватели обязательно прививали слушателям привычку к самообразованию.

Увы, Алексей Григорьевич сияющих вершин на военном или дипломатическом поприщах не достиг – так сложились обстоятельства. Когда началась война с японцами, граф попросил перевода из гвардии в действующую армию, участвовал в сражении под Мукденом и Порт-Артурской эпопее, потом был двухмесячный плен и бессрочный отпуск по ранению. Большую роль сыграла репутация человека неуживчивого, с твердым характером – шесть дуэлей,

несколько скандалов, которые удалось замять исключительно благодаря родственникам и влиятельным покровителям. В итоге – отставка из Гвардейского корпуса «с мундиром».

Была возможность поступить на службу по Азиатскому департаменту министерства иностранных дел и отправиться в составе посольства в Сиам, но призвания к гражданской службе граф не чувствовал – велик ли труд, перекладывать бумажки? Да ни в жизнь! Оставалось найти занятие по душе.

На семь с лишним лет граф уехал из России: объездил Европу, побывал в Британской Индии и Африке, начал сотрудничать с Императорским географическим обществом, отправляя подробные отчеты о своих походах маршрутами Ливингстона и Ричарда Бёртона. Добрался до Вест-Индии, поучаствовал в качестве военного советника в мексиканской гражданской войне, осаде Сьюад-Хуареса и последующем свержении тирана Порфирио Диаса. Словом, особо скучать не приходилось.

Долгое кругосветное путешествие и пребывание в экзотических странах положило начало страсти к собиранию курьёзных вещиц, от которых в большей или меньшей степени исходил незаметный другим людям магнетизм. Голова ацтекского божка, вырезанная из серого песчаника, рубин из Пенджаба, способный чувствовать «невидимое» и предупреждать владельца легким подрагиванием (камень потом вправили в перстень, который Барков не снимал), «ледяная табакерка» – небольшая коробочка темного серебра, мгновенно замораживающая до инея любой предмет и прочие артефакты – иногда безобидные, иногда пугающие.

Удивительнее всего было другое: ради пополнения коллекции лишних усилий прикладывать не приходилось – древние склепы, заброшенные гробницы и пещеры, охраняемые призраками, пускай остаются на страницах повестей Шеридана ле Фаню или Стивенсона. Большинство редкостей граф купил в лавках антикваров, на базарах или у частных лиц, ничуть не подозревавших, какими сокровищами владеют, – видеть истинную сущность вещи дано единицам и проявить свои качества артефакты могут, только когда их «подтолкнет» знающий человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.